

Иван Упоров

Пенитенциарная политика

России в

XVIII–XX вв.

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Иван Упоров

**Пенитенциарная политика
России в XVIII–XX вв.**

«Юридический центр»

2004

УДК 343.7
ББК 67.408

Упоров И. В.

Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. /
И. В. Упоров — «Юридический центр», 2004 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

[<p id=" __GoBack">](#)В монографии предпринята попытка историко-правового анализа формирования и реализации в России пенитенциарной политики. Опираясь на факты, документы, мемуары и другие источники, автор выявляет тенденции ее развития, дает свою трактовку многим событиям, связанным с деятельностью в нашей стране мест лишения свободы (тюрем, лагерей, колоний), через орбиту которых прошли десятки миллионов заключенных. Сейчас, спустя два века после выработки Российской империей достаточно определенной концепции пенитенциарной политики, спустя полвека после «закрытия» ГУЛАГа, когда доступны многие архивы, когда позади советско-партийная заданность и когда уже прошла эйфория «взрыва» гласности 1990-х гг., неизбежно сопровождавшаяся излишней эмоциональностью в оценках прошлого нашей страны, пожалуй, впервые имеется возможность дать максимально взвешенные ответы на многие трудные вопросы, порожденные противоречивой и нередко драматичной практикой «мест, не столь отдаленных». Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических и юридических факультетов. Может быть полезной для всех интересующихся историей Российского государства.

УДК 343.7
ББК 67.408

© Упоров И. В., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Уважаемый читатель!	7
Введение	9
Глава 1. Историография, источники и методология изучения исторического опыта формирования и осуществления пенитенциарной политики российского государства	12
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Иван Упоров

© И. В. Упоров, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина, А. И. Бойцова, В. И. Михайлова, А. В. Федорова, Е. В. Топильской, М. Н. Становского, В. Б. Малинина, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова, В. М. Волженкиной, Р. Д. Шарапова, М. Г. Миненка, С. Д. Шестаковой, И. Ю. Михалева, Г. В. Овчинниковой, О. Н. Коришниковой, С. Ф. Милюкова, А. Л. Протопопова, В. Г. Павлова, В. П. Емельянова, В. П. Коняхина, Г. В. Назаренко, И. М. Тяжковой, А. А. Струковой, С. С. Тихоновой, А. В. Мадьяровой, М. Л. Прохоровой, Л. А. Андреевой, И. В. Александрова, Л. С. Аустовой, А. И. Бойко, Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. И. Рарога, А. А. Сапожкова, Д. А. Корецкого, Л. М. Землянухина, Л. В. Головки, Л. Л. Кругликова, А. Д. Назарова, А. Е. Якубова, А. Н. Попова, С. В. Бородин, А. Г. Кибальника, Л. И. Романовой, А. И. Коробеева, Д. А. Шестакова, В. Д. Филимонова, И. А. Возгрин, А. А. Эксархопуло, В. В. Орехова и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

***Редакционная коллегия
Апрель 2004 г.***

Введение

Процессы становления демократического общества и формирования основ правового государства, протекающие в современной России, выдвигают в качестве одной из наиболее насущных проблему соблюдения законности и правопорядка. В данном контексте очевидна потребность в изучении исторического опыта строительства правового государства, эволюции его основных институтов.

Ценности гражданского общества обуславливают приоритетность задачи обеспечения прав человека, сохраняющей свою актуальность даже применительно к случаям их ограничения. Необходимость соблюдения прав человека распространяется и на места лишения свободы. Между тем лишение свободы как вид наказания в настоящее время является наиболее применяемым в большинстве стран, в том числе и в России, и связано с наиболее значительным ограничением конституционных, гражданских и иных прав осужденных. В многочисленных исправительных учреждениях нашей страны отбывает наказание огромное количество людей (около 750 тыс. человек), причем по этому показателю Россия занимает первое место – 680 осужденных к лишению свободы на 100 000 населения (в США – 336, Польше – 204, ФРГ – 80, Великобритании – 77, Финляндии – 75, Франции – 41)¹. С учетом этого изучение проблем истории и теории пенитенциарной политики приобретает особенно большое значение.

Система исправительных учреждений, повсеместно выступающих в качестве одного из наиболее важных социальных институтов, является продуктом длительного исторического развития. Совершенно очевидно, что современные проблемы ее функционирования имеют глубокие исторические корни, а их решение немыслимо без объективного учета опыта прошлого, отразившего как моменты развития, изменения данного института, так и элементы преемственности, длительного сохранения, более того, консервации ряда черт, в том числе негативных, а также нерешенности ряда принципиально значимых вопросов.

В частности, уже при первом обращении к данной проблематике становится ясным тот факт, что со времени своего формирования в условиях начавшейся модернизации страны пенитенциарная политика России имела весьма противоречивый характер. В период империи условия содержания в местах лишения свободы значительно расходились с нормативными предписаниями. Арестанты уже в эпоху Петра I стали активно использоваться государством как дешевая рабочая сила для решения государственных экономических задач. Особенность развития пенитенциарной политики в нашей стране связана также с печально известным периодом ГУЛАГа, когда законность в сфере исполнения уголовных наказаний в значительной мере была вытеснена ведомственным произволом.

Как крайне сложное характеризуется положение уголовно-исполнительной системы России и в последние годы, несмотря на заметное продвижение вперед в вопросах соблюдения международных рекомендаций в пенитенциарной сфере. Достаточно сказать, что около четверти содержащихся в местах лишения свободы не обеспечены работой, а в большинстве учреждений материально-техническая база длительное время не обновляется ввиду отсутствия средств. Показательной является оценка положения уголовно-исполнительной системы, данная Комиссией по правам человека при Президенте России: «В настоящее время в уголовно-исполнительной системе сложилось крайне тяжелое положение, чреватое катастрофическими последствиями не только для нашей страны. Пенитенциарные учреждения испытывают острый недостаток в продовольствии, топливе, лекарствах, санитарно-гигиенических средствах, одежде и т. д. Положение настолько тяжелое, что в ряде регионов возникла необходи-

¹ Человек и тюрьма: Сборник информационных материалов. Издание Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия. М., 2002. С. 7.

мость в эвакуации заключенных, в оказании экстренной помощи в связи с угрозой массового голода»².

В плане характеристики актуальности избранной проблематики отметим еще и то обстоятельство, что среди ученых и специалистов имеются существенные различия в определении стратегических направлений развития пенитенциарного дела в России, содержании и принципах его регулирования. Более того, известным ученым-пенитенциаристом Н. А. Стручковым была высказана мысль о том, не совершило ли человечество на грани XVI–XVII вв. роковую ошибку, сделав главным средством борьбы с преступностью лишение свободы, тюрьму³. И такое сомнение небезосновательно, поскольку, как известно, несмотря на практику прошедших столетий, места лишения свободы пока так и не достигли ожидаемой эффективности исправительного воздействия на преступников, рецидив остается весьма высоким. Как писал не менее известный российский исследователь Б. С. Утевский, «колония, тюрьма – самое неблагоприятное место для воспитательной работы», поскольку принципы педагогики «трудно применять, одновременно и непрерывно карая»⁴. Вместе с тем наказанию в виде тюремного заключения еще не найдено альтернативы, и оно по-прежнему является самой распространенной мерой уголовного наказания в большинстве стран мира.

Нужно еще учесть и то обстоятельство, что длительное время общество было, по сути дела, отстранено от формирования пенитенциарной политики Российского государства. В монархический период, как известно, отсутствовал представительный законодательный орган, а в советский – исправительно-трудовая система оказалась вообще закрытой для общественности. Изложенное показывает, что пенитенциарная политика Российского государства в силу своей сложности и многоплановости требует дальнейшего изучения, а связанная с ней проблематика остается чрезвычайно актуальной.

Сегодня этому объективно способствует целый ряд обстоятельств. Демократические преобразования в России предоставили широкие возможности (в связи с гораздо большей доступностью источников) для углубления исторического исследования пенитенциарной политики. Если еще недавно работы историков, правоведов, психологов и др. охватывали пенитенциарную сферу России в основном до 1920-х годов, то с 1980-х годов стало появляться все больше книг, раскрывающих практику исполнения уголовных наказаний в длительное время закрытый от общественности ГУЛАГовский период, а также в новейшей истории. Кроме того, для широкого читателя стали доступны произведения писателей и публицистов А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, В. В. Марченко, Л. А. Разгона и др., на себе испытавших положение заключенных.

Вместе с тем, в контексте отмеченных изменений, следует особо выделить известную односторонность в разработке пенитенциарной проблематики, связанной с анализом исторических аспектов развития пенитенциарной политики Российского государства. В частности, сохраняющийся «разрыв» в исследовании дореволюционной и советской (в основном «гулаговской») практики серьезно препятствует углублению научного поиска, максимально затрудняя решение ряда проблем. На наш взгляд, сегодня в их числе наиболее значимы трудности следующего характера.

Во-первых, становится проблематичным выявление истоков формирования пенитенциарной политики в России.

Во-вторых, не получают должного развития вопросы преемственности пенитенциарной политики в Российской империи (до 1917 г.) и Советском государстве. До сих пор в литера-

² Человек и тюрьма: Сборник информационных материалов. Издание Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия. М., 2002. С. 23–25.

³ Стручков И. А. Нужна новая концепция исполнения наказаний // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний. М., 1991. С. 18.

⁴ Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 300.

туре положение представляется таким образом, что «царская» тюремная система была едва ли не полностью разрушена, а советские пенитенциаристы начинали буквально с нуля. Однако анализ архивных материалов, правовых документов и других источников показывает, что, несмотря на радикальные декларации Советской власти, в ее первых пенитенциарных документах явно просматриваются, а порой дословно повторяются следы «старорежимных» актов.

В-третьих, максимально затрудняется использование пенитенциарного опыта нашей страны в разработке перспективных направлений пенитенциарной политики. Это не означает, что следует пренебречь зарубежным опытом, – на этот счет нет никаких сомнений: нужно брать на вооружение любые передовые идеи. Однако опора должна быть все же на собственные традиции, где есть немало того, что было бы весьма полезно для применения и в настоящее время, и в перспективе. К сожалению, пока эти крупницы достижений российского пенитенциарного опыта используются в очень скромных масштабах. Такое положение, в свою очередь, объясняется недостаточным объемом исследований пенитенциарных проблем в историческом плане, и, в частности, явно недостает обобщения развития института лишения свободы в широком масштабе, на исторически длительном промежутке времени, что позволило бы точнее определять основные закономерности этого процесса.

Между тем нынешний период, когда, с одной стороны, удалось преодолеть многолетний культ директивной, классовой идеологии, а с другой стороны, – уже явно проглядывается спад эйфории от западной концепции прав человека, что также нередко приводило к односторонним оценкам различных явлений общественной жизни, диктует необходимость анализа этих явлений с более объективных и взвешенных позиций. И это особенно касается деятельности пенитенциарных учреждений. В ситуации, когда общественный интерес к вопросам функционирования системы исправительных учреждений стремительно нарастает, очень важно проследить зарождение и влияние основных направлений пенитенциарной мысли в России, начиная с ранних стадий российской модернизации, т. е. с XVIII в. Подобный анализ основных закономерностей развития пенитенциарной политики в России, охватывающий весь период – от ее формирования до современного состояния, несомненно, открывает новые перспективы для исследования истории системы исправительных учреждений.

Глава 1. Историография, источники и методология изучения исторического опыта формирования и осуществления пенитенциарной политики российского государства

Исследование исторического опыта формирования и реализации в России пенитенциарной политики в XVIII–XX вв. предполагает обращение к соответствующим трудам историков, а также статистиков, правоведов, политиков и др. в указанный период времени. Переходя к историографическому обзору, приходится констатировать наличие ситуации, характерной для проблем подобного рода, поскольку в силу ряда объективных и субъективных причин, и, прежде всего потому, что учреждения для лишения свободы выполняли роль инструмента, который представители власти использовали помимо основного предназначения и для своих целей, эта тема как в период империи, так и в советский период во многом оставалась закрытой от общества и соответственно не находила достаточного освещения в научной литературе.

В связи с указанной причиной исследователи изучали только те пласты российской пенитенциарной политики, которые власть считала возможным приоткрыть и, соответственно, разрешала обсуждать публично без политического и морального ущерба для себя. Сразу следует заметить, что в имперский период (прежде всего в XIX в.) пенитенциарные учреждения все же были более открытыми, чем в советском государстве; наибольшую же открытость они приобрели только в последние годы (начиная с 90-х гг. XX в.).

Соответственно, область научного поиска в истории пенитенциарной политики для современников прежних эпох была достаточно ограниченной. Из поля зрения уходили существенные аспекты научной проблемы, например, использование труда осужденных для решения государственных экономических задач, что нередко выражалось в откровенной эксплуатации заключенных как бесплатной или дешевой рабочей силы; условия содержания в пенитенциарных учреждениях, которые зачастую не отвечали элементарным санитарно-бытовым требованиям и др. Как следствие, не удавалось выявлять объективные тенденции развития пенитенциарной политики в Российском государстве, что, в свою очередь, затрудняло и по многим аспектам делало невозможным использование научных достижений для формирования стратегии государственного развития в целом.

Открытость источников по данной проблематике в последние годы позволила исследовать ряд ее отдельных аспектов, однако вне поля зрения историков остаются вопросы, связанные с выявлением исторического опыта формирования, тенденций развития и реализации пенитенциарной политики Российского государства, начиная с периода ее становления (XVIII в.) и заканчивая современным состоянием. Для решения этой научной задачи необходимо обращение к историческим трудам различных эпох в указанных временных рамках.

При этом в развитии историографии проблемы, на наш взгляд, прослеживаются три основных этапа: первый – дореволюционный период; второй – советский период (до начала 1990-х гг.); третий – постсоветский период (с начала 1990-х гг. по настоящее время). Предложенная периодизация исходит из условной классификации научной исторической литературы, определяемой в зависимости от приоритетов в проблематике исследований, их концептуальной направленности, степени раскрытия глубинных проблем пенитенциарной действительности. Указанные периоды совпадают с историческими границами общественно-политического развития нашей страны.

Одной из характерных черт первого этапа является отсутствие на протяжении длительного времени (до последней четверти XIX в.) сложившихся научных направлений в исследова-

нии пенитенциарной проблематики. Соответственно, большинство правовых актов, иных государственных решений в этой сфере составлялось, по существу, без предварительного изучения дел, в том числе исторического опыта разработки и реализации пенитенциарной политики, отдавалось на усмотрение тех чиновников, которые ими занимались. Исключением можно считать, пожалуй, лишь Устав о ссыльных и Устав об этапах, изданные в 1822 г. (в дальнейшем эти документы были объединены под общим названием Устав о ссыльных) при активном участии известного государственного деятеля М. М. Сперанского.

В XVIII в. специальных работ, посвященных местам лишения свободы и соответственно пенитенциарной политике в России, фактически не было. Этого нельзя сказать о Западной Европе, где исследования подобного рода стали появляться в еще более ранний период истории. Мы полагаем необходимым дать обзор взглядов основных западноевропейских авторов, затрагивающих проблемы пенитенциарии, поскольку российская научная мысль в данной области общественной жизни складывалась под непосредственным влиянием их произведений.

Уже Томас Мор (1478–1535 гг.) в своей «Утопии» обосновывал ряд положений о необходимости более гуманного отношения к преступникам. Он писал, в частности, что «смертная казнь слишком жестока для того, чтобы карать за воровство, и слишком слаба, чтобы уничтожить его»⁵. В другом месте он указывал, что карательная система, не делающая различий в наказаниях, неразумна и даже опасна для общества. Успех борьбы с преступностью не может быть обеспечен одними лишь уголовными репрессиями, они не будут разумными, пока не будет постигнут и нейтрализован источник, порождающий преступления. Эту мысль Мор иллюстрировал следующим образом: «Воров подвергают самым ужасным пыткам. Не лучше ли было бы обеспечить всем членам общества возможности существования, чтобы никто не был поставлен в необходимость сначала красть, а потом быть лишенным жизни... самое страшное наказание не удержит от кражи того, кому не предоставляется другого средства избежать голодной смерти»⁶. Мор считал, что государь мог бы после произнесения приговора назначать известный срок для испытания, и если результат окажется неблагоприятным, только тогда подвергать осужденных наказанию.

В свою очередь Гуго Гроций (1583–1645 гг.) указывал, что наказание не может быть просто возмездием, потому что «это противоречило бы разумной природе, которая не позволяет человеку причинять подобному себе существу зло иначе, как ввиду какого-то добра», поскольку «природа ужаснулась бы при зрелище человека, причиняющего другому страдания только для того, чтобы насладиться его мучением». Гроций отмечал, что в наказании следует иметь в виду три стороны: пользу того, кто совершил преступление; пользу того, кто потерпел от преступления; наконец, пользу всего мира. Кроме того, наказание должно соотноситься с размером причиненного вреда, а потому действия, не причинившие никакого вреда, не могут быть вовсе наказуемы⁷.

В работах Шарля Луи Монтескье (1689–1755 гг.) – выдающегося представителя французского просвещения, сквозит мысль о том, что в хорошо управляемых государствах законодатель будет менее заботиться о наказаниях за преступления, чем об их предупреждении; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы. Как и Гроций, Монтескье подчеркивал положение о зависимости наказания от тяжести деяния. «У нас очень дурно делают, – писал он, – что назначают равное наказание и тому, кто ворует на большой дороге, и тому, кто грабит и убивает... В Китае убийц разрывают на куски, а воров нет; благодаря этому различию там воруют, но не убивают». В этой же связи он упоминал и нашу страну: «В Московском

⁵ Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 80.

⁶ Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 90.

⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956. С. 48–52.

государстве, где воров и убийц наказывают одинаково, всегда убивали; мертвые, говорят там, ничего не скажут»⁸.

Сильное воздействие на российскую пенитенциарную мысль оказало изданное в 1764 г. знаменитое сочинение «О преступлениях и наказаниях», написанное итальянским юристом и государственным деятелем Чезаре Беккариа. Повторяя некоторые мысли предшественников, Беккариа вместе с тем четко формулировал ряд положений, послуживших основой в формировании уголовного законодательства многих стран, включая и Россию. В частности, он писал, что «цель наказания... заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику больших физических страданий».⁹ Применение пыток к подозреваемым он называл «мерзким способом».¹⁰ В конце своей книги Беккариа дал потрясающую по глубине мысли и краткости формулу которая в дальнейшем разрабатывалась и развивалась многими: «Чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельным гражданином, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах».¹¹

Это сочинение было в целом с восторгом воспринято в общественных и государственных кругах Европы. Сильнейшее его влияние испытала, в частности, Екатерина II, опубликовавшая в 1767 г. свой «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» (далее – «Наказ»)¹². В том, что «Наказ» во многом буквально воспроизводит мысли Монтескье («О духе законов») и Беккариа («О преступлениях и наказаниях»), признавалась и сама императрица.¹³ Однако это обстоятельство, по справедливому замечанию Н. Неклюдова, не умаляет достоинств «Наказа», поскольку, во-первых, он образует собой эпоху в истории развития уголовных начал в России и, во-вторых, «представляет собой первую русско-законодательную попытку построить Уголовное уложение на твердых и единых началах теории».¹⁴ Кроме того, в «Наказе» содержалось немало и собственных мыслей просвещенной императрицы¹⁵.

Впрочем, на родине Беккариа, в Италии, а также во Франции еще в XVII в. предпринимались практические шаги по совершенствованию исполнения наказания в виде лишения свободы, т. е. делались первые попытки создания определенной пенитенциарной системы. Так, уже в 1656 г. в Генуе был открыт первый пенитенциарий – исправительный дом, рассчитанный на 600 подростков.¹⁶ В 1703 г. в Риме папой Клементом XI был устроен дом (госпиталь имени святого Михаила) для исправления несовершеннолетних (существовал до 1735 г.), где применялись ночное разъединение, обязательные работы с обучением ремеслу и при молчании содержащихся.¹⁷ Как указывает П. Д. Калмыков, над воротами этой тюрьмы были выбиты

⁸ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 53.

⁹ Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 106.

¹⁰ Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 124.

¹¹ Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 247.

¹² Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907.

¹³ Письмо Екатерины II в Париж М.-Т. Жоффрен / Приложение к кн.: Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. С. 250.

¹⁴ См.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. С. 258–259.

¹⁵ См.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. С. 258.

¹⁶ Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Из истории военных тюрем в России // Уголовное право. 1999. № 3. С. 92.

¹⁷ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. М., 1866. С. 27; Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 309.

слова: «Parum est coerere improbos poena, nisi probos efficias disciplina».¹⁸ В 1766 г. в Милане подобное пенитенциарное учреждение создается и для взрослых, после чего эта практика стала переходить и в другие страны.¹⁹ Однако этот, равно как и последующий, европейский пенитенциарный опыт во второй половине XVIII в., т. е. до появления американских систем, остался без должного внимания современников.

Здесь же заметим, что обоснование необходимости исправления находящихся в тюрьмах преступников посредством одиночного заключения, привлечения к работе, молчания и молитв, теоретически первым обосновал бенедиктинский монах Мобильон (ум. в 1707 г.), который писал: «Провинившихся следует заключать в маленькие кельи, наподобие келий шартрского братства, с мастерскою, где они могут быть заняты какой-либо работой. Можно также каждой келье отвести небольшой садик, в котором они бы работали и пользовались воздухом в определенные часы дня. При богослужении они будут присутствовать, находясь в одиночных помещениях; их содержание будет самое скудное, поститься они должны часто. Им должно делать почаще внушения, и начальник, или его агент, обязан посещать их время от времени для утешения и укрепления в добрых намерениях. Когда этот порядок раз установится, я уверен, он не представится таким жестоким, каким кажется с первого взгляда, и при помощи его, я думаю, все тюрьмы можно сделать гораздо более сносными и полезнее, чем теперешние»²⁰.

Интерес к чисто тюремной проблеме в России и, прежде всего, у Екатерины II возник после известных работ Джона Говарда. Этот английский путешественник, изучавший следы землетрясения в Португалии в 1755 г., был взят в плен французами и на себе испытал все бедствия заключенных в тюрьме. В 1772 г. он был назначен главным шерифом Бедфордского графства, и в этой должности посвятил себя изучению тюрем²¹. Объездив многие страны и изучив там положение тюрем, он нашел их состояние чрезвычайно неудовлетворительным. Особое внимание Говард уделял тюрьмам у себя на родине и подробно изложил свои соображения на этот счет в 1777 г. в известном труде «State of prisons in England and Wales» («Положение в тюрьмах Англии и Уэльса»). Он писал, что государство, оставляя без внимания тюрьмы, где содержатся его граждане, способствует тем самым дальнейшему развитию преступности. В литературе описываются случаи, когда после посещения тюрем Говард вынужден был передвигаться верхом на лошади, поскольку его одежда настолько пропитывалась отвратительным тюремным запахом, что он не мог путешествовать в дилижансе, а своей записной книжкой он пользовался, только предварительно продезинфицировав ее над огнем²². Результаты изучения Говардом состояния в тюрьмах были признаны «неведомым миром», сродни положению «на дне»²³. Он подчеркивал, что человек в существующих тюрьмах не мог оставаться здоровым. Это были здания, лишённые света, свежего воздуха, пронизанные насквозь сыростью; пропитание и содержание арестантов часто сдавалось с торгов начальниками тюрем, которые преследовали при этом личную выгоду. При таких условиях богатые могли пировать в тюрьме, а бедные – умирать с голода.

Говард отмечал, что основной целью тюремного заключения должно быть исправление преступного человека и приспособление его к новой, правомерной жизни в обществе. Для этого необходимы подходящие люди, потому что не уставы, а действующие личности обуславливают достоинства и недостатки пенитенциарных учреждений. Систему полного одиночного заключения он считал противостественной и подходящей лишь для некоторых кате-

¹⁸ Калмыков П. Д. Указ. соч. С. 272.

¹⁹ Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Указ. соч. С. 92.

²⁰ Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. С. 343.

²¹ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С. 272.

²² Стерн В. Западная традиция тюремного заключения // Досье на цензуру. 1999. № 7–8. С. 47.

²³ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. С. 74–75.

горий преступников, для остальной же их части необходимо разъединение на ночь, а также различие в удобствах содержания, применяемых взысканиях и поощрениях, вплоть до досрочного освобождения – в случаях настойчивого прилежания в работах и очень хорошего поведения вообще. Джона Говарда по справедливости можно и должно считать отцом тюремной системы.²⁴ (Во взглядах Говарда были и спорные позиции. Так, он считал, что тюремное заключение должно иметь срок не менее чем 5 лет – с тем, чтобы было время для изучения и исправления заключенного. Однако мы оставляем в стороне эти и многие другие интересные сами по себе положения в работах Говарда.) По его мнению, лучшая в Европе тюрьма находилась в Генте (Бельгия), которую он посещал несколько раз. В этой тюрьме, построенной в 1782 г., для каждого арестанта была отведена отдельная комната, куда он заключался на ночь. Днем осужденные работали в общих мастерских. Тюремное здание представляло собой восьмигранник по системе двойных флигелей: одни расходились из центра, другие соединяли их края. Обязанность молчания на арестантов не накладывалась, однако персоналу поручалось наблюдать, чтобы они не проводили время в праздных разговорах²⁵.

По уставу Бернского смиренного дома (1788 г.) арестантам предписывалось молчание во время обеда и работ; в других случаях им позволялось разговаривать между собой только вслух, а не шепотом. Этим самым преследовалась цель препятствовать влиянию преступников друг на друга; кроме того, считалось, что молчание и уединение, способствуя размышлению, наводят преступников на путь раскаяния.²⁶ В дальнейшем эти тюремные начала были взяты на вооружение в Северной Америке и закрепились там под известными названиями Оборнской (Пенсильванской) и Черри-Гилльской (Филадельфийской) систем.²⁷ В начале XIX в. в Америку ездили представители многих европейских государств для изучения опыта американских тюрем, считавшихся в то время наиболее передовыми (хотя, на наш взгляд, в литературе несколько преувеличивается значение указанных систем, поскольку, во-первых, начала их были положены в Европе, а, во-вторых, в самих Соединенных Штатах они не нашли широкого распространения в силу дороговизны, и в дальнейшем были значительно упрощены). Так, по данным А. Ф. Кистяковского, в середине XIX в. в США из 1000 тюрем лишь в 3(!) применялась пенсильванская система²⁸.

Отмеченные выше пенитенциарные идеи и опыт тюремной деятельности с большим трудом проникали в российскую действительность. В конце XVIII в. в нашей стране еще по-прежнему доминировало представление о преступниках как о людях, которые должны наказываться строго и так, чтобы «глядя на то, другим неповадно было», т. е. имел силу дух Соборного уложения 1649 г. и Артикула воинского 1715 г. Соответственно, внимание «тюремным сидельцам» уделялось только тогда, когда положение в отдельных местах лишения свободы становилось совсем невыносимым, о чем правительство узнавало через донесения чиновников и жалобы самих арестантов и их родственников.

До выхода в свет работ Д. Говарда Екатерина II, судя по всему, не была знакома с тюремными системами, существовавшими в тот период. К ознакомлению с ними подтолкнуло, бесспорно, изучение трудов Монтескье и Беккариа, в том числе сказалось, очевидно, и то обстоятельство, что Беккариа принял самое активное участие в устройстве в Италии тюрем с учетом современных ему взглядов на наказание, о чем императрица не могла не знать. Так, по совету

²⁴ Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней. СПб., 1912. С. 106–109.

²⁵ Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. С. 330–331.

²⁶ Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. С. 330–331.

²⁷ Греков М. Л. Тюремные системы: История и современность. Краснодар, 1999. С. 4.

²⁸ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875. Т. 1. С. 367.

Беккариа в Милане в 1776 г. была построена тюрьма с кельями для одиночного содержания; днем арестантов выводили в общий зал на работы при соблюдении молчания²⁹.

Как отмечалось выше, проблемы пенитенциарной политики на теоретическом уровне в России стали получать развитие, начиная с екатерининского «Наказа». В контексте рассматриваемой темы нас интересует, прежде всего, гл. X этого важного документа, который хотя и не был принят и реализован в российской практике, однако оказал определяющее воздействие на дальнейшее развитие российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Указанная глава была названа так: «Об обряде криминального суда», и в ней нашли отражение основные концептуальные положения, призванные регулировать как порядок судопроизводства, так и особенности пенитенциарной политики.

В частности, проводилась мысль о том, что предварительное заключение в тюрьме само по себе представляет наказание, и поэтому под стражу следует заключать только тогда, когда вполне «вероятно, что гражданин в преступление впал» (ст. 162 «Наказа»). Далее Екатерина II писала: «Когда тюрьма не столько будет страшна, сиречь, когда жалость и человеколюбие войдут в самые темницы и проникнут в сердца судебных служителей, тогда законы могут довольствоваться знаками, чтоб определить взять кого под стражу... содержание под стражей должно длиться сколь возможно меньше и быть снисходительно, сколь можно» (ст. 166, 169). В других статьях «Наказа» давалось четкое указание на необходимость отдельного содержания находящихся в тюрьме под стражей и уже отбывающих тюремное заключение: «Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного в оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражей, а другие два в тюрьме, и тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому само наказание» (ст. 171). В ст. 192, 193 и др. Екатерина II осуждала применение пыток, а в ст. 194, 222, 223 подчеркивала важность неотвратимости наказания («весьма нужно, без сомнения, чтобы никакое преступление, ставшее известным, не осталось без наказания»).

В «Наказе» давались рекомендации по назначению конкретных видов наказания за конкретные составы преступлений. Так, за преступления против веры наказание должно было заключаться «в лишении всех выгод, даруемых нам религиею, как-то изгнание из храмов, исключение из собрания верных, на время или навсегда, удаление от их присутствия» (ст. 74). Деяния против нравов карались лишением всех выгод, «которые связываются обществом с чистотою нравов, денежными пенями, пристыжением, заставляющим скрываться от взоров граждан, публичным обезславлением, изгнанием из города или из общества» (ст. 77). Далее речь шла о преступлениях более высокой степени тяжести – против «спокойствия и тишины»; в этих случаях на преступников признавалось целесообразным накладывать следующие наказания: «лишение спокойствия, ссылка, исправительные наказания» (ст. 78). Наконец, преступления против общественной безопасности предполагали самую суровую кару – казнь и телесные наказания (ст. 79). При этом нужно иметь в виду, что в отношении телесных наказаний гуманность, проявленная в «Наказе», была относительной, поскольку для той эпохи они были привычными. Так, при всем «човеколюбии» Екатерины II при ней применялось «рвание» ноздрей в случае осуждения к ссылке и каторге³⁰.

В целом «Наказ» в части уголовных наказаний был все же выдержан вполне в духе передовых либеральных идей того времени. М. Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал важнейшее значение этого документа в определении целей наказания, которые должны были преследоваться государством. В частности, «Наказ» впервые сформулировал другую, помимо уже известных задач возмездия и устрашения, цель наказания, а именно – охранение общества от

²⁹ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. С. 272.

³⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг., Киев, 1915. С. 273; Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 517.

преступлений (ст. 144–147). Иногда, писал далее этот автор, проскальзывает в «Наказе» мысль о том, что цель наказания есть «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84). Поэтому «Наказ» более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83) и не рекомендует в законе деяний безразличных (ст. 242), требует, чтобы закон не благодетельствовал одним во вред другим (ст. 243), чтобы просвещение распространялось между людьми (ст. 245)³¹. В данном случае в роли ведущего ученого-правоведа выступала сама Екатерина II, что само по себе представляло уникальный случай в Европе. Именно при Екатерине II стал выходить первый в России журнал, носивший длинное название: «Театр судоведения или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное время-препровождение» (издатель – Василий Новиков)³².

И все же в России XVIII в. исследования пенитенциарной политики, а тем более ее истории, были развиты слабо. На наш взгляд, существенное негативное влияние оказало в этом отношении правление Петра I, который, «прорубая окно в Европу», делал акцент на военно-практическом деле, мало заботясь о развитии общественных наук, что, впрочем, неудивительно: личный диктат самодержца не мог считаться с появлением идей, не совпадающих с его взглядами.

В результате в XVIII в. помимо Екатерины II появилось лишь несколько серьезных имен, с которыми связано изучение пенитенциарной политики в России. Среди них, прежде всего, следует назвать работы В. Н. Татищева (1686–1750 гг.), М. М. Щербатова (1733–1790 гг.) и С. Е. Десницкого (1740–1789 гг.). Освещая, хотя и фрагментарно, историю развития тюремной системы в России, эти ученые обращались также к современным проблемам, предлагали, в частности, составить новое уложение – взамен Соборного уложения 1649 г., причем подчеркивалось, что новое уложение должно быть написано более ясным, понятным народу языком, считали необходимым резко ограничить применение смертной казни.³³

В свою очередь Я. П. Козельский (1729–1795 гг.) и А. Н. Радищев (1749–1802 гг.) выступали за раскрепощение личности и защиту ее прав и свобод независимо от сословной принадлежности, отмену телесных наказаний.³⁴ А. Н. Радищев касался и пенитенциарной сферы, в частности, он полагал, что целью наказания является не мщение (оно всегда «гнусно»), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления»³⁵. Как известно, далеко не все из высказанных идей находили поддержку властей. Отметим также и то обстоятельство, что указанные российские ученые занимались довольно широким кругом вопросов. Особняком в этом отношении стоит лишь М. М. Сперанский (1772–1839 гг.) – государственный деятель, организатор разработки и автор многих важнейших законопроектов в пенитенциарной сфере.

Дальнейшее развитие исследований, посвящавшихся российской пенитенциарной политике в конце XVIII – начале XIX вв., было связано с именами Н. С. Мордвинова, А. П. Куняцына, О. Г. Горегляда, Г. И. Солнцева, Н. В. Духовского, А. С. Чебышева-Дмитриева, Н. И. Тургенева и др.³⁶ При этом следует, однако, подчеркнуть, что в литературе первой чет-

³¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 372.

³² *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 68.

³³ *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. М.—Л., 1963; *Щербатов М. М.* История России с древнейших времен. СПб., Т. 1–7. 1901–1904; *Десницкий С. Е.* Избранные произведения. Л., 1979.

³⁴ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1952. С. 216–222; История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1995. С. 362–368.

³⁵ *Радищев.* Соч. М., 1961. С. 182.

³⁶ См. подр.: *Солодкин И. И.* Очерки истории русского уголовного права. Л., 1961; *Ошерович Б. С.* Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII – первая четверть XIX веков). М., 1946; *Семенова О. В.* Временное

верти XIX в. практически не затрагивались вопросы исполнения наказаний, связанных с лишением свободы.

Заметное оживление в этой связи наблюдается в сфере уголовного права, в рамках которого довольно долго (вплоть до первой четверти XX в.) развивались и уголовно-исполнительные (пенитенциарные) отношения. Соответственно научно-литературные источники касались пенитенциарной системы, как правило, в контексте анализа уголовно-правовых категорий, обычно в привязке к институту наказания, имея в виду аспекты его реализации.

Среди первых трудов, в которых так или иначе с профессионально-пенитенциарных позиций затрагивались вопросы исполнения наказаний, можно назвать такие, как «Начальные основания уголовного права» С. Неймана (1814 г.), «Опыт начертания российского уголовного права» В. Н. Горегляда (1815 г.), «Начертания теории уголовных законов» Д. Цветаева, «Русское уголовное право» В. С. Гуляева (1826 г.), «О мере наказания» С. С. Баршева (1840 г.) и др.

Таким образом, в первой половине XIX в. в России начинают более активно развиваться научные направления, в той или иной степени касающиеся проблем исполнения наказаний, связанных с лишением свободы. Однако они касались, прежде всего, с правовым осмыслением существующей пенитенциарной практики, причем по преимуществу на уровне описания, констатации фактов. Собственно исторические работы первоначально были востребованы в меньшей степени. Несомненно, что именно практические потребности реформирования пенитенциарной системы в условиях буржуазной модернизации страны явились главным стимулом научных исследований, обусловив преобладание общеправовых и историко-правовых трудов.

Указанная тенденция сохранилась и в пореформенный период. В частности, достаточно широкий резонанс в самом его начале получила изданная в 1866 г. книга П. Д. Калмыкова «Учебник уголовного права».³⁷ В ней, в отличие от предшествующих трудов подобного рода, интересующие нас вопросы раскрывались в более систематизированном виде. В книге был дан обзор, и достаточно обстоятельный, зарубежных источников, сделаны довольно серьезные обобщения применительно к российской действительности.

В аналогичном «Курсе русского уголовного права» А. С. Лохвицкого³⁸ в контексте рассматриваемой проблематики был поставлен вопрос о равенстве условий отбывания наказания для представителей различных сословий. Любопытно, что, исследуя историческую традицию их исполнения, автор утверждал, что в российском законодательстве в части, касающейся условий заключения, «вследствие несуществующего феодализма всегда было равенство наказаний для всех сословий». При этом, акцентируя внимание на особенностях эволюции социально-экономического и политического строя в России, он доказывал, что при равенстве условий различные категории населения в силу своего предшествующего воспитания и предшествующих условий жизни испытывают неодинаковые страдания и, таким образом, карательная сторона вроде бы равного наказания оказывается различной.

Для иллюстрации А. С. Лохвицкий приводил пример с зажиточным помещиком и крестьянином – в случае осуждения того и другого к каторжным работам первый будет чувствовать себя заметно дискомфортнее. Автор полагал такую практику несправедливой. Для того, чтобы достичь равной карательности, необходимо для каждого осуждаемого предусматривать индивидуальные условия содержания в местах лишения свободы. Однако поскольку практически этого достичь невозможно, автор делал вывод, что действующее законодательство вполне

революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

³⁷ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права.

³⁸ Лохвицкий А. С. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.

приемлемо³⁹. Следует заметить, что в последующем в таком ракурсе вопрос был поставлен лишь в советский период.

В дальнейшем появляется все больше работ общеправового плана, в которых рассматривался процесс развития и состояние тюремной системы в России и параллельно усиливалось стремление к изучению проблемы в исторической ретроспективе. Примечательно, что это делалось не только в монографической, но и в учебной литературе. В этом отношении характерным является «Элементарный учебник общего уголовного права» А. Ф. Кистяковского⁴⁰.

Со второй половины XIX в., в условиях развернувшихся буржуазных реформ, возрастает общее количество работ, в которых на основе анализа накопленного опыта, детально, а потому достаточно критически оценивается современное положение тюремной системы.⁴¹ При этом нет сомнения, что изучение развития пенитенциарной системы вышло на более высокий уровень накануне и после тюремной реформы 1879 г. Настоятельная потребность реорганизации тюремной системы России питала рост государственного и общественного интереса к научному изучению данной проблематики. Поэтому наряду с литературой учебной направленности в это время появляется большой массив научных исследований, посвящавших преимущественно анализу современного состояния пенитенциарной системы. В результате активизации общеправовых и исторических исследований российской пенитенциарной политики были достигнуты несомненные успехи.

Появляется даже специфический дореволюционный термин – «тюрьмоведение». Представители рождавшегося научного направления (А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, С. К. Гогель, С. П. Мокринский и др.) стремились исследовать современную им проблематику на широком историческом фоне.⁴² Вне всякого сомнения, названные авторы внесли определенный вклад в изучение истории пенитенциарной политики в России, хотя все же, как правило, не конкретизировали свои исследования применительно к русской истории.

Вместе с тем следует указать на одну из характернейших черт данного блока работ, состоящую в стремлении к обобщению как российского, так и в еще большей степени – иностранного опыта. Кстати, отметим, что правительство, в свою очередь, заинтересованное в подобных разработках, активно поощряло исследовательские работы. Ярким примером такого «совпадения интересов» является книга М. Н. Галкина-Врасского⁴³. Подготовленная на основе богатых материалов, собранных автором в Западной Европе при непосредственной поддержке МВД и лично императора, она вызвала большой интерес современников. Любопытно, что правительство непосредственно профинансировало и само издание книги, выделив для этой цели 1 тыс. рублей⁴⁴.

Таким образом, довольно подробно описывая организацию пенитенциарного дела в России, других европейских странах, ученые все же больше оперировали теоретическими постулатами и искали идеальные образцы и формы, нежели анализировали эволюцию пенитенциарной политики в стране, изменение ее концептуальных основ. Это отражает, как нам представляется, то обстоятельство, что к данному времени пенитенциарная наука переживала период интегра-

³⁹ Лохвицкий А. С. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 73.

⁴⁰ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права.

⁴¹ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1899; Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1892; Марголин А. Д. Из области уголовного права. Киев, 1907; Пржевальский В. В. Проект уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб., 1897; Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. СПб., 1898 и др.

⁴² Пионтковский А. А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение. Одесса, 1892; Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1913; Гогель С. К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. СПб., 1897; Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. М., 1902 и др.

⁴³ Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 856. Л. 112, 115.

ции, обобщения ранее достигнутых результатов. Отсюда и стремление авторов определенным образом абстрагироваться от реальной истории и практики, отдать предпочтение теоретическим рассуждениям.

Предлагая данное объяснение, мы далеки от его абсолютизации. Накопление положительных знаний о пенитенциарной политике было связано не только с правовым теоретизированием. Интерес к реальным проблемам настоятельно требовал обращения к реальной практике, как текущей, так и ставшей достоянием прошлого. При этом, как правило, в массе появившихся работ прошлое и настоящее взаимно дополняли друг друга.

В частности, достаточно богатый материал по истории ссылки и каторги, начиная с XVII в., приводился в работах С. В. Максимова.⁴⁵ Здесь давались ценные статистические данные, раскрывались особенности назначения наказания за различные виды преступных деяний. В частности, автор указывал, что одной из причин активного использования государством ссылки была необходимость освоения сибирских просторов. Данное обстоятельство мы подчеркиваем особо, поскольку, встречаясь, как будет показано далее, у нескольких авторов того времени, оно достаточно убедительно свидетельствует, что задачей ссылки была, прежде всего, экономическая составляющая.

Говоря о российской ссылке, нельзя не упомянуть и работу Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»⁴⁶. Здесь автор подробно описывал быт российских арестантов в тюрьме и ссылке. Он одним из первых обратил внимание на проблему растлевающего влияния ссыльных на местное население. Что касается самих арестантов, то в их среде наблюдалось немало пороков, речь идет, в частности, об играх в карты, пьянстве, драках. Следует заметить, что такого рода пороки всегда присущи российским пенитенциарным учреждениям, хотя и в разных масштабах.

Н. Г. Фельдштейн в своей книге о российской ссылке⁴⁷ обращал внимание на то, что, начиная с петровской эпохи, государство начинает активно использовать труд каторжан для «грандиозных сооружений, которыми характеризуется первая четверть XVIII в.». Автор подчеркивал, что такое положение, хотя и в меньшей степени, сохранялось в течение всего века. Так, в 1797 г. был издан указ, в соответствии с которым «осужденные на каторгу вместо смертной казни должны быть, по наказанию кнутом, отправлены на работы в Нерчинск; осужденные в вечную ссылку препровождаются в иркутскую суконную фабрику». Оценивая состояние с исполнением ссылки в каторжные работы в конце XIX в., Фельдштейн сделал вывод о том, что «все прикосновенное к целям исправления, что мы можем наблюдать в нашем действующем праве, приносит, в сущности, мало пользы»⁴⁸.

Значительный интерес для понимания сущности пенитенциарной политики Российского государства дореволюционного периода, в частности, представляют труды практических работников мест лишения свободы, включая, выражаясь современной терминологией, руководящие кадры Главного тюремного управления (образовано в 1879 г.). В этом смысле можно отметить работы П. К. Грана, А. П. Саломона, А. М. Стремоухова, С. С. Хрулева⁴⁹ и др., имеющие не только историографическое, но и немалое источниковое значение. Наибольший интерес из этого блока, на наш взгляд, представляют записки начальника Главного тюремного

⁴⁵ Максимов С. В. Ссылные и тюрьмы. СПб., 1862; Сибирь и каторга. СПб., 1871.

⁴⁶ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1877.

⁴⁷ Фельдштейн Н. Г. Ссылка. М., 1893.

⁴⁸ Фельдштейн Н. Г. Ссылка. М., 1893.

⁴⁹ Гран П. К. Каторга в Сибири. СПб., 1913; Саломон А. П. 1) Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалине. СПб., 1899; 2) Тюремное дело в России. СПб., 1898; Стремоухов А. М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела за 1900–1905 гг. СПб., 1905; Хрулев С. С. Каторга в Сибири // Тюремный вестник. 1910. № 8–9.

управления М. Н. Галкина-Врасского⁵⁰, а также подготовленный под руководством А. П. Саломона коллективный труд работников ГТУ⁵¹.

Естественно, в них нет безбрежной критики пенитенциарной политики. Однако авторы дают исключительно ценный исторический материал, сведения о состоянии мест лишения свободы, предложения по их совершенствованию. В данном контексте особенно примечателен интерес правительственных учреждений именно к истории вопроса, обусловивший появление ценных исторических исследований⁵².

Высказанная положительная оценка правительственной инициативы, исследовательских работ чиновников отнюдь не означает идеализации правительственной деятельности, преувеличения официального стремления к широкому обсуждению проблем пенитенциарной политики. В частности, данное обсуждение ограничивалось требованиями цензуры. Так, например, в 70-х годах XIX в. последовал цензурный запрет на книгу Прянишникова «Лишение свободы как наказание исправительное»⁵³. В 1881 г. было вынесено предостережение «Русскому Курьеру» за сообщение «в корреспонденциях о политических ссыльных таких подробностей, которые явно обнаруживают стремление действовать раздражительно на общественное мнение»⁵⁴. Широкую известность получила также борьба ГТУ за запрет «Острова Сахалин» А. П. Чехова⁵⁵, непосредственно изучавшего жизнь заключенных на этом острове.

Сознательно акцентируя внимание на работах, принадлежащих ученым, публицистам, чиновникам (людям различной профессиональной и политической принадлежности), изучая процесс накопления позитивного знания по проблеме, мы приходим к выводу, что довольно широко используемая в последнее время классификация дореволюционных исследований по истории пенитенциарной политики, в основу которой положены критерии служебной принадлежности авторов и их политических убеждений (официально-охранительное, официально-либеральное, общественно-либеральное и революционное направления), все же вряд ли может восприниматься безоговорочно. На наш взгляд, не менее приемлемой является группировка работ по степени их научности (публицистичности), когда решающее значение приобретает основательность проведенного научного поиска.

В целом мы видим, что интерес к истории пенитенциарии формируется и становится все более заметным. Связанные с нею вопросы рассматриваются в многочисленных работах исторического плана, в основном косвенно затрагивающих данную проблематику. В их числе укажем, например, на труды А. Малиновского, С. Н. Викторского, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича⁵⁶ и других авторов – как ученых, так и публицистов⁵⁷.

В ряду наиболее заметных специальных исследований мы считаем необходимым выделить работы известного российского ученого И. Я. Фойницкого «Исторический очерк и совре-

⁵⁰ Записка начальника Главного тюремного управления М. Н. Галкина-Врасского по командировании его в Сибирь и на о. Сахалин. СПб., 1883.

⁵¹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современное положение. СПб., 1900.

⁵² Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.). СПб., 1914.

⁵³ См.: Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 97.

⁵⁴ См.: Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 117.

⁵⁵ См. напр.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. М., 1991.

⁵⁶ Викторский С. Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг., Киев, 1915; Малиновский А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1. Томск, 1908; Вып. 2. Томск, 1909; Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890.

⁵⁷ Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. СПб., 1914; Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625 гг.) Т. 1. СПб., 1897; Филиппов М. А. История и современное состояние карательных учреждений в России и за границей. СПб., 1873; Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XVIII веках: Исторический очерк // Русская старина. 1887. Октябрь; Муравьев И. В. Организация тюремного труда в России // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2; Обнинский В. И. Записки из Санкт-Петербургской тюрьмы // Вестник Европы. 1909. № 8 и др.

менное состояние ссылки и тюремного заключения» (1878 г.)⁵⁸ и «Учение о наказании в связи с тюремоведением» (1889 г.)⁵⁹ (ранее у этого автора вышла книга «Курс тюремоведения»⁶⁰, которая, однако, по объему и глубине изложения материала уступает указанному выше труду). В этом труде давался достаточно подробный научный анализ института наказания как социального явления, в частности, значительное внимание уделялось российской пенитенциарной системе, включая вопросы ее исторического развития. Этим автором была определенным образом обобщена имеющаяся в России в тот период информация, касающаяся истории института наказания.

Описывая состояние российских тюрем, Фойницкий не скупился на критику условий содержания в них арестантов. Вместе с тем эта критика не имела конкретного адресата в лице органов государственной власти и управления, т. е. она носила обезличенный характер. Само собой разумеется, не было и речи об упоминании верховной власти в качестве органа государства, в той или иной мере ответственного за состояние пенитенциарной политики в России. Несмотря на это, в работе вскрывались весьма существенные недостатки в развитии системы мест лишения свободы. В частности, исследуя состояние исполнения наказания в виде ссылки в каторжные работы, Фойницкий отмечал, что в первой трети XIX в. было в порядке вещей такое положение, когда начальствующие лица каждой губернии и крупных городов, через которые пролегли этапы, во время передвижения каторжных к месту отбывания наказания в Сибири считали возможным по своему усмотрению оставлять у себя часть осужденных для работы на местных казенных заводах.

Отметим еще одно явление, на которое обращается внимание в работе Фойницкого. Из-за большого скопления ссыльных в Сибири губернские начальники в середине XIX в. стали все чаще обращаться к императору с просьбами снизить поток направляемых в их территории осужденных, поскольку они ухудшают «местную нравственность». Под влиянием этих докладов император Николай II поставил на обсуждение вопрос о прекращении вообще ссылки на поселение в Сибирь с оставлением только ссылки в каторжные работы. Однако в результате обсуждения этого вопроса было принято решение не менять положения дел, при этом главный довод заключался в необходимости освоения сибирских мест, в том числе и путем ссылки. Следует заметить, что после выхода труда Фойницкого в свет на него ссылались многие дореволюционные авторы, освещавшие пенитенциарную политику Российского государства.

В числе наиболее значимых трудов выделим также работу С. К. Гогеля «Роль общества в деле борьбы с преступностью», выпущенную в 1906 г.⁶¹ Здесь автор утверждал, что за последние сто лет наблюдался неуклонный рост преступности, «с некоторыми колебаниями». Это обстоятельство привело к значительному росту содержащихся в местах лишения свободы, которые стали «по существу единственным» реальным наказанием. Однако надежды на тюрьму как средство не только кары, но и исправления не оправдались. Как пишет Гогель, «не только не было достигнуто уменьшения преступности, но и не удалось задержать роста ее». Напротив, увеличилось число рецидивистов. Перестройка же тюрем по одиночной системе оказалась не по средствам государству, а существующие в России тюрьмы превратились в «академию порока и преступления». Более того, по утверждению автора, и одиночные тюрьмы, на которые возлагали надежды как западные, так и российские пенитенциаристы, оказались не способны решать проблему исправления арестантов и соответственно искоренения рецидива. В данной связи ученым был поставлен вопрос о кардинальном пересмотре государственной пенитенциарной политики.

⁵⁸ Фойницкий И. Я. Исторический очерк и современное состояние ссылки и тюремного заключения. СПб., 1878.

⁵⁹ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением.

⁶⁰ Фойницкий И. Я. Курс тюремоведения. СПб., 1875.

⁶¹ Гогель С. К. Роль общества в деле борьбы с преступностью.

Говоря о значимости отмеченных выше работ, все более опирающихся на российский опыт, активно разрабатывавших непосредственно вопросы истории пенитенциарной политики в России, следует признать, что их авторы все же тяготели к описанию текущих проблем, поскольку исследования содержали скорее исторические экскурсы, хотя порой и довольно развернутые.

В этом же ряду работ, в большей степени описывающих положение в российских пенитенциарных учреждениях, следует назвать произведения П. Л. Кропоткина, В. Н. Никитина, И. П. Белоконоского, М. М. Исаева, В. В. Набокова⁶² и др.

Фиксируя рост общественного и научного интереса к пенитенциарной политике и истории ее разработки и реализации, отметим также изначальную политизированность значительной части исследований. В условиях углублявшегося внутривластного кризиса внимание большинства авторов привлекали именно политические заключенные⁶³, хотя их численность на фоне уголовных преступников была совершенно незначительной. В данной ситуации исследователи стремились «проследить историю русских государственных тюрем, а также историю нашей ссылки в связи с развитием общественного движения»⁶⁴. Постановка такой задачи, в свою очередь, обуславливала особенности изучения темы. На наш взгляд, они состоят в известной односторонности и фрагментарности появлявшихся трудов. Внимание авторов зачастую ограничивалось лишь «нашими Бастилиями» – наиболее известными тюрьмами, в которых содержались политические, а также религиозные диссиденты (Шлиссельбург, Петропавловская крепость, Суздальская тюрьма и т. п.). В принципе это можно считать одной из характерных черт дореволюционной историографии.⁶⁵

При этом в зависимости от политических взглядов исследователей такие работы отличала различная степень радикализма в отрицании существующего порядка вещей. На наш взгляд, именно в это время усилиями публицистически ориентированных авторов была заложена традиция упрощенного понимания пенитенциарной системы не как неотъемлемой части государственной машины, а лишь как орудия угнетения.

Тем не менее мы далеки от однозначных оценок. Либеральная⁶⁶, а отчасти и революционная традиции в изучении проблем истории российской пенитенциарной политики обусловили появление целого ряда работ, не просто отмеченных стремлением к безудержной, зачастую крайне тенденциозной критике, но и свидетельствующих о накоплении позитивных знаний о тюремной системе Российской империи. Позитивом в данном случае было уже выявление застарелых язв пенитенциарной системы России.

Так, например, следует высоко оценить подобную направленность произведений Д. А. Дриля. Довольно подробно описывая условия, в которых исполнялось наказание в виде ссылки в России, делая это в сравнении с французскими пенитенциарными учреждениями⁶⁷, он, в частности, дал достаточно жесткую оценку сложившемуся положению вплоть до середины XIX в., определяя нравственные условия каторги как «ужасные». Д. Дриль отмечал, что «на приисках и заводах, после тяжелых дневных работ, предоставленные самим себе арестанты в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки и страстно воровали. Окру-

⁶² Кропоткин П. Л. Тюрьма, ссылка и каторга в России. СПб., 1906; Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880; Белоконоский И. П. По тюрьмам и этапам. Орел, 1887; Исаев М. М. Предстоящее преобразование каторги // Право. 1911. № 6; Набоков В. В. Судьба ссылки // Право. 1909. № 29 и др.

⁶³ Лазарев Д. Из прошлого. Политические ссылки в Туруханском крае // Исторический вестник. 1886. январь. Т. 63; Семевский В. И. 1) Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; 2) М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. 1915. № 1–3.

⁶⁴ Пружвин А. С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909. С. 11.

⁶⁵ Колчин М. Ссылные и заключенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: Исторический очерк. М., 1908; Могила русских борцов – Шлиссельбургская крепость. Carcuge-Ceneve, 1900.

⁶⁶ Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.

⁶⁷ Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899.

жавшие заводы слободки представляли собой в полном смысле вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступления. В них сходилось самое испорченное отребье общества, формировались преступные сообщества и шайки, задумывались и готовились преступления и люди утрачивали последние остатки совести». От такого образа жизни многие каторжане пытались бежать; число беглых по некоторым заводам, где работали каторжане, доходило до половины.

Указанный автор также обратил внимание на серьезные осложнения в пенитенциарной сфере, связанные с освобождением крестьян. Он отмечал, что во второй половине XIX в. в стране сложилось очень сложное положение с обеспечением арестантов работами, поскольку они не выдерживали конкуренции с вольной рабочей силой, численность которой после крестьянской реформы значительно возросла. По наблюдениям Д. Дриля, на платных работах были заняты не более 5 % от числа трудоспособных каторжных. Данное обстоятельство в значительной степени деморализовывало арестантское общество (следует заметить, что подобное положение в российской пенитенциарной системе сложилось и в начале 90-х гг. XX в., когда переход на рыночные отношения повлек за собой экономический кризис в местах лишения свободы).

Не менее сложной была тогда и проблема переполненности каторжных острогов. В этой связи Дриль писал, что «если начальники тюрем и заботились о чем, то только о поддержании внешнего порядка, а мысль о действительном исправлении заключенных и о средствах к тому почти совсем чужда им». Далее, оценивая состояние дел со ссылкой на поселение, сравнивая ссылки в России и во Франции, автор пришел к неутешительному выводу о том, что Россия довольно сильно отстает по многим вопросам организации исполнения этого вида наказания, имея в виду прежде всего достижение цели исправления заключенных. Такой же вывод следует и из другой книги, посвященной описанию каторги, – «Как я попал на Сахалин», написанной В. М. Дорошевичем в 1905 г.⁶⁸

И все же гораздо более ценным представляется то, что помимо широкой критики текущей правительственной политики, реформ пенитенциарной системы, во второй половине XIX в. развернулись активная публикация документов, вовлечение в оборот архивных материалов, сбор, систематизация и обобщение фактических данных, выявление и сбор необходимых статистических сведений и т. д. Исследователи идут вглубь российской истории, изучают различные ее периоды. В данной связи особо отметим труды Е. Н. Анучина, Д. К. Гальберга.⁶⁹

Необходимо также указать, что в это время обширнейший блок научной литературы составили исследования, выполненные на региональном материале. Прежде всего, это работы по истории Сибири⁷⁰, которая в глазах современников зачастую представлялась не иначе как каторжным краем. Оценивая характер определившихся здесь авторских позиций, следует отметить, что особое значение в них получили споры о значении ссыльных в колонизации региона. В этом же ряду можно отметить работы, посвященные другим российским регионам, в частности, Сахалину.⁷¹

⁶⁸ *Дорошевич В. М.* Как я попал на Сахалин. М., 1905.

⁶⁹ *Анучин Е. Н.* 1) Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с 1775 года до настоящего времени. СПб., 1875; 2) Исследование о проценте сосланных в Сибирь за период времени 1827–1846 гг. СПб., 1873.; *Гальберг Д. К.* К истории тюрем и ссылки в России (1805–1820 гг.). Б.м. и г.

⁷⁰ *Андреевич В. К.* 1) Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889; 2) Сибирь в царствование Екатерины II. Красноярск, 1889; *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862; *Козьмин М. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886; *Щеглов И.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883; *Ядрищев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882; *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889 и др.

⁷¹ *Августиневич Ф. М.* Заметки об острове Сахалин. СПб., 1880; *Лобас С.* Каторга и поселение на о. Сахалине. Павлодар, 1903; *Новомбергский Н.* Остров Сахалин. СПб., 1903; *Панов А. А.* Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905 и др.

По мере развития исторических исследований, в сферу внимания ученых попадали новые аспекты пенитенциарной политики. В частности, эксплуатации труда лиц, приговоренных к наказаниям, связанным с лишением свободы, много внимания уделял А. В. Филиппов. В своей работе «О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой»⁷² он, например, указывал, что «личный труд преступника, его имущественные достатки были элементами, которые нередко являлись составными частями тех сложных наказаний, какие любило законодательство XVIII века». Этот труд организовывался как в тюрьмах, так и в ссылке – в виде работ на каторге, или, как тогда говорили, «на галерах», в том числе при постройке новой столицы, вновь возникающих гаваней и крепостей, при разработке минеральных богатств, на заводах и мануфактурах, «одним словом, везде, где только требовались рабочие руки, а достать их среди остального населения было трудно». Более того, именно этот фактор – экономический – тогда стал выступать на первый план при формировании государственной пенитенциарной политики. Это очень важное наблюдение, сделанное обозреваемым автором.

Дело в том, что в последующей истории нашей страны такой акцент на использовании дешевого, а подчас бесплатного труда заключенных был вновь повторен в период ГУЛАГа, о чем ниже будет сказано достаточно подробно. А. В. Филиппов также подчеркивал, что государство использовало труд не только тех, кто осужден к наказаниям, связанным с лишением свободы (тогда это были заключение в тюрьме, смирительном доме, ссылка в каторгу, ссылка на поселение), но и тех, кто лишался свободы в качестве меры процессуального принуждения. Для того чтобы извлечь максимум экономической пользы от преступников, государство пошло на то, чтобы заменять смертную казнь каторжными работами – автор приводил ряд документов, прежде всего царских указов, которые это подтверждали. Кроме того, фискальный фактор влиял на то, что сроки наказаний, связанных с лишением свободы, нередко увеличивались именно потому, что осужденный был необходим для выполнения определенных хозяйственных работ. Таким образом, из рассматриваемой работы следует вывод, что в петровскую эпоху государство искажало основополагающие цели наказания, которые тогда уже находили отражение в законодательных актах (так, одной из целей, зафиксированных в петровском Артикуле воинском, а еще ранее в Соборном уложении, была цель предупреждения преступлений – «чтоб, глядя на то, другим неповадно было»).

Обращаясь к истории изучения вопроса, следует заметить, что исследования, посвященные непосредственно истории пенитенциарной политики, дополнялись многочисленными работами самой различной тематической направленности. Некоторые из наиболее важных направлений исследований, косвенно выходящих на избранную нами проблематику, уже рассматривались. Тем не менее полагаем необходимым дополнительно указать на труды, посвященные истории развития органов управления в имперской России.⁷³

В рамках дореволюционной историографии отдельный блок работ составляют публикации зарубежных авторов. Нужно признать, что их интерес к российской пенитенциарной политике был исключительно велик. О российских пенитенциарных учреждениях, их истории в XIX в. активно писали не только специалисты, но и путешественники, журналисты, причем, как правило, в критическом тоне⁷⁴.

Среди них следует выделить, на наш взгляд, несколько работ. Первую написал французский путешественник и журналист Астольф де Кюстин, который провел в России значительное

⁷² Филиппов А. В. О наказаниях по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.

⁷³ Градовский А. Д. История местного управления в России. М., 1868; Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1–4. СПб., 1902; Кривенко В. Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб, 1888; Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. М., 1876 и др.

⁷⁴ См. напр.: Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 78, 85, 87–88, 129 и др.

время⁷⁵. Автор затронул многие сферы общественной жизни, в том числе и пенитенциарную. Сразу следует заметить, что пенитенциарная политика Российского государства в его книге была подвергнута весьма жесткой критике – в такой степени, что она была запрещена к распространению в нашей стране вплоть до последней четверти XIX в. Вместе с тем ход авторских рассуждений удивительно совпадал с логикой действий российских властей, а в чем-то оказывался циничнее. Так, восхищаясь неизмеримыми природными богатствами России, Кюстин, в частности, писал: «Сколько каторжников надо иметь, чтобы извлечь из недр земли такие сокровища! *Если преступников не хватает, их делают* (курсив наш. – И. У.), во всяком случае делают людей страдальцами. Деспотизм торжествует, и государство процветает»⁷⁶.

В свою очередь, американец Дж. Кеннан, получивший разрешение Главного тюремного управления на знакомство с российскими тюрьмами, не оправдал надежд имперских чиновников, посвятив свою книгу описанию жизни политических арестантов⁷⁷. При этом автор констатировал, что условия содержания политических преступников в российских тюрьмах наиболее тяжелые, если делать сравнение с европейскими и американскими тюрьмами, а масштабы политических репрессий намного больше, чем в остальном цивилизованном мире. Аналогичные оценки, но по уголовной тюрьме, давались также в работе В. Гартевольда⁷⁸. Впрочем, у российских пенитенциаристов находились и свои апологеты, отмечавшие целый ряд позитивных перемен, успехов⁷⁹.

Принципиально новый этап в развитии историографии проблемы начался после установления советской власти, когда исследования по гуманитарным наукам, в том числе затрагивающие пенитенциарную сферу, приобрели выраженный политико-идеологический оттенок, определявшийся внутривластной доктриной, основанной на коммунистической идеологии. Следует заметить, что политико-идеологический фактор был довлеющим на протяжении всего периода существования советского государства, т. е. вплоть до распада СССР на рубеже 1990-х годов.

Если предельно упрощать, то содержательно это означало восхваление советской пенитенциарной системы и критику дореволюционной (равно и западной) тюремной концепции и вытекающую отсюда закрытость от общества советских исправительно-трудовых учреждений как для отечественных, так и для зарубежных ученых. С одной стороны, применительно к истории советского периода, указанный подход максимально затруднил исследователям получение объективной информации о местах лишения свободы. С другой, в отношении к исследованиям, посвященным истории разработки и реализации пенитенциарной политики, это, прежде всего, проявилось в принципиальном разрыве трудов, посвящавшихся дореволюционной и советской тюрьмам⁸⁰. Забегая вперед, следует заметить, что такой подход с точки зрения эффективности научных исследований был деструктивным.

В данной связи пенитенциарная система периода империи в первые десятилетия советского государства с научно-исторической точки зрения практически не рассматривались. Это не означает, что данная проблематика (монархический период) вообще не затрагивалась в советской литературе тех лет. Однако публикации носили в основном характер симбиоза воспоминаний и исследований участников революционных событий, которые в конце XIX – начале XX вв. находились в имперских местах лишения свободы. Соответствующей была и идеологическая направленность таких работ – показать жестокость царской тюремной

⁷⁵ Кюстин А. Николаевская Россия в 1839 году. М., 1990.

⁷⁶ Кюстин А. Николаевская Россия в 1839 году. М., 1990. С. 290.

⁷⁷ Кеннан Дж. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. Берлин, 1904.

⁷⁸ Гартевольд В. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912.

⁷⁹ Lansdell Henry. Through Siberia. V. 1–2. London. 1882.

⁸⁰ См.: напр.: Сизов С. К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. Армавир, 1928.

системы, ее карательную сущность, подчеркнуть эксплуататорский характер имперского буржуазно-помещичьего государства. Об этом свидетельствуют и названия работ, численность которых исчисляется сотнями.⁸¹ В то же время в такого рода работах содержатся сведения, которые даже при условиях идеологической заданности позволяют составить более объективное представление о пенитенциарной системе Российской империи конца XIX – начала XX вв. В частности, дисциплинарные взыскания для арестантов в виде телесных наказаний вызывают повсеместный протест, в том числе посредством массового неповиновения⁸². Находит подтверждение наблюдение авторов монархического периода о зачастую плохих условиях содержания арестантов⁸³.

Следует также отметить, что в 20-е годы появлялись и вполне квалифицированные научные исследования, хотя и обращенные в основном к пореформенному и, особенно предреволюционному периоду, но выходили и отдельные работы по более раннему периоду⁸⁴. Продолжали свою исследовательскую работу и специалисты с классическим дореволюционным опытом пенитенциаристов. Это способствовало появлению как обобщающих научных трудов⁸⁵, так и принципиально новых направлений научных исследований, во многом опережавших время, предлагавших новые методологические парадигмы. В частности, здесь следует указать на пример М. Н. Гернета, некоторое время работавшего заместителем начальника Главного тюремного управления завершающего периода империи и знавшего пенитенциарную систему, как говорится, изнутри. Об этом свидетельствует, в частности, его работа о психологии заключенных, где он также использует примеры из тюремной жизни дореволюционной России⁸⁶. Такое направление можно считать новаторским в развитии пенитенциарной науки. Однако тогда оно не нашло поддержки, и пенитенциарная психология в нашей стране начнет развиваться начиная лишь с 60-х гг.

⁸¹ См., например: Каторга и ссылка. К истории революционного движения в России. Сборник / Под ред. Л. Бермана, Б. Лагунова, С. Ушеровича. Киев, 1924; Первое мая в тюрьме и ссылке. Сборник воспоминаний. М., 1926; Девятый вал. К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки / Под ред. В. Виленского (Сибирякова) и др. М., 1927; *Вишнякова П. И.* Тюремные годы // Старый большевик. 1933. № 1; *Держач Н. Я.* По этапам и тюрьмам. М.—Л., 1930; *Масалков Д. Я.* На каторжной страде // Кандальный звон. 1927. № 6; *Сандомирский Г. Б.* В неволе. Очерки и воспоминания. Л., 1926; *Сибиряков С. Г.* 1) По пути в Сибирь. М., 1928; 2) Бунт. Тюремные рассказы. М., 1927; 3) В каменном мешке. Рассказы из тюремной жизни. М., 1928; 4) Прыжок. Случай побега из Кишиневской тюрьмы (1907–1909 гг.). М., 1930; *Сушкин Г. Г.* 1) По этапам. Из воспоминаний политического ссыльного. М., 1929; 2) «Волынка» в Одесской тюрьме. М., 1928; *Чебыкина Е. С.* Помощь тюрьме и ссылке // Борьба за власть. Годы реакции. Пермь, 1924; По тюрьмам. Сборник воспоминаний из эпохи первой революции / Под ред. Я. Шумяцкого. М., 1925; *Генкин И. И.* По тюрьмам и этапам. Пг., 1922; *Васильев Е. А.* Тюремные записки. М.—Л., 1928; *Ворошицын И. П.* Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков, 1922; *Скобенишков А. И.* Во Владимирской каторжной тюрьме. Владимир, 1926; *Симанович В. А.* В новом Шлиссельбурге. М., 1934; *Корильев А. П.* Кровавые протесты в Бутырках (1911–1913 гг.). М., 1930; *Надельштейн Д. С.* Бутырки. М., 1932; *Никишина Е. Д.* Новинское освобождение. Побег 13 каторжанок из Московской (Новинской) женской тюрьмы. М., 1932; *Сталь Л. Н.* Год за тюремной решеткой. М.—Л., 1926; Орловский каторжный централ. Сборник воспоминаний бывших орловских политкаторжан. М., 1929; *Тетерин Н. И.* Орловский застенек. Очерк из жизни каторжан. М., 1926; *Рябиков В. В.* На положении провокатора (тюремные воспоминания). М., 1926; *Сушкин Г. Г.* В тюрьмах, 1902–1904 гг. М., 1928; *Адамович М. П.* Отбитая тюрьма. М., 1928; Тюрьма, каторга и ссылка. Екатиринослав, 1924; *Самойленко Е. А.* В тифлисском застенке. М., 1930; *Дунаев В. В.* История одной голодовки. М., 1928; *Ермаков А. И.* Из быта сахалинской каторги. М., 1929; *Жуковский-Жук И. И.* Кровавые пятна: тюремные силуэты. М., 1928; *Никифоров П. М.* В годы реакции в Иркутской тюрьме. М., 1932; *Пузаков З. В.* В дебрях Амурской тайги. Из воспоминаний политкаторжанина. Пенза, 1926; *Стуков Д. А.* В дальневосточных тюрьмах. М., 1928; На женской каторге. Сборник воспоминаний / Под ред. М. М. Константинова. М., 1932; Нерчинская каторга. Сборник Нерчинского землячества / Под ред. М. А. Брагинского. М., 1933 и др.

⁸² *Кукобин А. К.* В царских застенках. Ростов н/Д, 1967.

⁸³ *Генкин И. И.* По тюрьмам и этапам. Пг., 1922.

⁸⁴ *Кротов М. А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным архивным материалам. М., 1925; *Кубалов Б. Г.* Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; *Кудрявцев Ф. А.* Александровский централ: Из истории сибирской каторги. Иркутск, 1936; *Черкунов А. Н.* Политическая тюрьма в годы революции (1905–1917). Харьков, 1927 и др.

⁸⁵ *Исаев М. М.* Основы пенитенциарной политики. М.—Л., 1927; *Волков Г. И.* Уголовная политика эпохи промышленного капитализма. М., 1932.

⁸⁶ *Гернет М. Н.* В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925.

Позже начинают появляться научные работы, где исследуется пенитенциарная система имперского периода. Заметим, что и здесь основную роль сыграл дореволюционный опыт. В этом отношении следует выделить прежде всего известный труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы»⁸⁷. До настоящего времени этот труд остается наиболее фундаментальным по истории развития тюремной системы монархической России, и он используется в настоящей работе достаточно активно. Вместе с тем «История царской тюрьмы» оказалась не лишенной общего недостатка, присущего литературе советского периода, а именно, как уже говорилось, влияния политико-идеологического фактора. В результате оценки тюремной системы монархической России в основном подчеркнута негативны. Автор утверждает, в частности, что «в истории царской тюрьмы нет и в принципе не могло быть ни одного светлого пятна»⁸⁸. С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку в пенитенциарной истории монархической России «светлые пятна» все же были, и немало (об этом речь пойдет ниже). Тем не менее историко-информационный материал, содержащийся в «Истории царской тюрьмы», даже вне зависимости от политических оценок, представляет собой самодостаточный ценнейший исследовательский материал, и указанное обстоятельство никоим образом не умаляет научной значимости М. Н. Гернета как ученого.

В дальнейшем появляется целый ряд обстоятельных работ исторического характера, прямо и косвенно рассматривавших монархическую пенитенциарную политику. В их числе вначале следует выделить обобщающие работы, посвященные истории российского государственного строя и органов власти и управления⁸⁹.

Наряду с этим увеличивается число работ, непосредственно посвященных истории дореволюционного тюремного ведомства. Однако в значительной своей части она рассматривалась в общем контексте исследований по истории МВД, правоохранительных органов в целом. В данной связи следует назвать труды Т. У. Воробейкова, А. Б. Дубровина, Р. С. Мулукаева, А. В. Борисова⁹⁰ и др. Здесь еще сказывается идеологическая заданность, направленная на заведомую критику царской тюремной системы. Например, А. С. Кузьмина утверждала, что до 1917 г. в тюрьмах Сибири «почти не было библиотек, обучение грамоте не велось, вся воспитательная работа сводилась лишь к усиленной религиозной обработке заключенных, к стремлению превратить их в покорную рабочую силу»⁹¹. Тем не менее такого рода работы представляют значительную ценность для нашего исследования, поскольку, как было отмечено выше, в них содержится достаточно обширный информационный материал об особенностях российской пенитенциарной системы дореволюционного периода.

В особое направление научных исследований в это время выделился блок работ, посвященных региональной сибирской, уральской, дальневосточной проблематике. В их числе инте-

⁸⁷ Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1762–1825). М., 1951. Т. 1; История царской тюрьмы (1825–1870). М., 1960. Т. 2; История царской тюрьмы (1870–1900). М., 1961. Т. 3; История царской тюрьмы (1907–1917). М., 1963. Т. 4. Следует заметить, что данный труд выдержал несколько изданий, начиная с 1941 г.

⁸⁸ Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1762–1825). М., 1951. Т. 1. С. 9.

⁸⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Стещенко Л. А., Софроненко К. А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973; Чернов А. В. Государственные учреждения России в XVIII в. М., 1960 и др.

⁹⁰ Борисов А. В. Карательные органы дореволюционной России (полицейская и пенитенциарная системы). М., 1978; Воробейков Т. У., Дубровин А. Б. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев, 1973.; Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. 1917 г. Минск, 1971; Мулукаев Р. С. 1) Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; 2) Политическая полиция дореволюционной России. М., 1968; Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XIX в. М., 1996; Смольяков В. Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979; Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного порядка. М., 1977 и др.

⁹¹ Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 11.

ресны многочисленные труды общего плана⁹², и, естественно, специальные исследования по истории каторги и ссылки.

В отношении последних следует признать, что отличительной особенностью исследований истории тюремной политики в это время продолжала оставаться их политизированность, преимущественная нацеленность на темы, связанные с историей революционного движения в различные периоды российской истории.⁹³ По этой причине горизонты научных интересов в принципе ограничивались классической ленинской периодизацией истории освободительного движения – от декабристов до большевиков⁹⁴. В целом массив литературы по каждой из хрестоматийных групп революционеров весьма значителен.⁹⁵ Но вполне естественно, что основная масса работ посвящалась борьбе большевиков с тюремным режимом царизма⁹⁶.

Известный социально-политический заказ обусловил стремление не только показать четкую последовательность смены указанных В. И. Лениным этапов освободительного движения, но и их преемственность, вплоть до «географической»⁹⁷.

Вместе с тем, несмотря на очевидную тематическую и методологическую ограниченность, нельзя не видеть объективной ценности научной разработки целого ряда вопросов, как уже отмеченных выше, так и ряда других, в частности, связанных с анализом управленческих проблем,⁹⁸ особенностей воздействия ссылных на местное население,⁹⁹ истории отдельных национальных групп ссылных,¹⁰⁰ работы с различными возрастными категориями правонарушителей¹⁰¹ и т. д. Как и в дореволюционный период, актуальность сохранили исследования по истории отдельных, наиболее известных тюрем¹⁰².

Наряду с историками исследование истории пенитенциарной политики России привлекало также внимание юристов. В этом плане особо выделим кандидатские диссертации С. А. Гайдука, В. С. Галиакбарова, А. А. Плотникова и др.¹⁰³

⁹² Громыко М. М. 1) Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; 2) Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974; Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984; Из истории Сибири. Вып. 1–3. Томск, 1971–73; Рабцевич В. В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетий. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973 и др.

⁹³ Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). В 12 вып. Иркутск, 1973–1991; Политические ссылные в Сибири (XVIII – начало XIX вв.). Новосибирск, 1983; Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западную Сибирь в XIX в. Тюмень, 1976; и др.

⁹⁴ Дворниченко Н. Е. Во глубине сибирских руд. Иркутск, 1968; Роцевский П. И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975; Роцевская Л. П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983; Сафронов Ф. Г. Декабристы в якутской ссылке. Якутск, 1975; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978; Декабристы и Сибирь. М., 1988; Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1975; Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963; Троев П. С. Ишутинцы в якутской ссылке. Якутск, 1989 и др.

⁹⁵ См. напр.: Ушакова Л. А. Советская историография сибирской народнической ссылки 70-х середины 90-х годов XIX века. Новосибирск, 1985.

⁹⁶ Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967; Дмитриев Д. И. Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989; Михеев А. П. Борьба социал-демократического подполья Западной Сибири против террористического режима царских тюрем. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988; и др.

⁹⁷ См. напр.: Владимиров Е. Попытка декабристов переселиться в село Шушенское // Енисей. 1972. № 6; Годлевский А. Польские повстанцы в Шушенском // Сельская правда. 1973. 12 июля.

⁹⁸ Кодан С. В. 1) Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856). Иркутск, 1980; 2) Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980.

⁹⁹ Щербаков Н. Н. Влияние ссылных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск, 1984; Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири (XVIII – нач. XX вв.). Новосибирск, 1978.

¹⁰⁰ Островский Л. К. Польские политические ссылные в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.

¹⁰¹ Беляева Л. И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.) М., 1995.

¹⁰² Узники Петропавловской крепости. Сборник статей. Л., 1969; Узники Шлиссельбургской крепости. Л., 1978 и др.

¹⁰³ Гайдук С. А. Тюремная политика и тюремное законодательство в конце XIX – начале XX веков. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1978; Галиакбаров В. С. Законодательство царизма в борьбе против революции. Дис. ... канд. юрид. наук.

Оценки становятся более объективными, начиная лишь с начала 1990-х гг., когда, собственно, начинается завершающий этап историографии работ, посвященных пенитенциарной системе дореволюционного периода. Здесь следует отметить работы М. Г. Деткова, А. Д. Марголиса, О. Н. Бортниковой, З. В. Мошкиной¹⁰⁴, четырехтомное издание о государственных учреждениях России¹⁰⁵ и др. У ряда указанных выше и других авторов соответствующие работы трансформировались в диссертационные исследования¹⁰⁶. Это свидетельствует о достаточном внимании к данной проблематике.

Вместе с тем следует отметить, что указанные работы носят локальный временной (рассматривается система мест лишения свободы только в монархической России), либо функциональный (например, указанная работа М. Г. Деткова касается только системы исполнения наказания в виде лишения свободы), либо идеологический характер, что не позволяло выявить тенденции развития этих государственных органов в течение более длительного срока, включавшего как монархический, так и советский периоды истории нашей страны. В значительной степени сохраняет актуальность и прежняя проблематика¹⁰⁷.

Мы также не можем безоговорочно согласиться с классификацией историографии по данной проблематике. Так, А. А. Симатов в своей работе выделяет три направления в историографии дореволюционной пенитенциарии: официально-охранительное, официально-либеральное и общественно-либеральное.¹⁰⁸ Как нам представляется, в рамках общественных отношений императорской России, несмотря на всю ограниченность реформ либерального толка, все же вряд ли имеются основания принципиально противопоставлять официально-либеральное и общественно-либеральное направления. Равным образом нецелесообразным представляется также излишнее сближение, вплоть до отождествления, либералов и революционных сил экстремистского толка. Полагаем, что сегодня вполне назрел пересмотр данных стереотипов, чему, безусловно, уже положено начало в ряде обобщающих работ по истории дореволюционной России.¹⁰⁹

Свердловск, 1977; *Плотников А. А.* Сахалинская политическая каторга и ее антинародная сущность. Дис... канд. юрид. наук. М., 1986; и др.

¹⁰⁴ *Детков М. Г.* 1) Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994; 2) Исполнение наказания в дореволюционной России. М., 1990; *Бортникова О. Н.* Тюремная реформа в Тобольской губернии. Тобольск, 1998; *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России. М., 1995; *Мошкина З. В.* Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан. Дис... докт. ист. наук. М., 1999.

¹⁰⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. В 4 т. СПб., 1998.

¹⁰⁶ См., например: *Бортникова О. Н.* 1) Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. Дис... канд. ист. наук. Тобольск, 1998; 2) Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири. 1801–1917 гг. Дис... докт. ист. наук. Тюмень, 1999; *Переладов К. Г.* Система политического сыска и политические узники в России, 1725–1762 гг. Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998; *Петренко Н. И.* Организационно-правовые основы исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период (1864–1917 годы). Дис... канд. юрид. наук. М., 1997; *Петров В. В.* Исполнение (отбывание) лишения свободы в следственном изоляторе: история и современность. Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999; *Казарян П. Л.* Якутская политическая ссылка в системе карательной политики царизма. Дис... докт. ист. наук. М., 1999; *Колесникова Л. А.* Эволюция карательной политики царизма в борьбе с освободительным движением в России второй половины XIX в. (По материалам исторического комплекса журнала «Каторга и ссылка»). Дис... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997; *Детков М. Г.* Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России. Дис... докт. юрид. наук. М., 1998; *Симатов А. А.* Тюремная реформа в России (1860–90-е гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1998; *Быкова Н. Н.* История Александровского централа: 1900 – февраль 1917 гг. Дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1998; *Захаров А. В.* Трансформация высших государственных учреждений России конца XVII – начала XVIII вв. Дис... канд. ист. наук. М., 1999; *Шабанов М. П.* Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков. Дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1998; *Шулбаев О. Н.* Политическая ссылка в Минусинском округе, 1825–1895 гг. Дис... канд. ист. наук. Абакан, 1995 и др.

¹⁰⁷ См. напр.: *Федорова В. И.* Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX в. Красноярск, 1996.

¹⁰⁸ *Симатов А. А.* Тюремная реформа в России (1860–90-е гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 48.

¹⁰⁹ См. напр.: *Миросов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999.

Как уже отмечалось выше, освещение эволюции пенитенциарной политики советского партийно-политического руководства традиционно противопоставлялось истории дореволюционной пенитенциарии. В данной связи здесь сложилась хотя и основанная на сходных методологических началах, но все же относительно самостоятельная историографическая традиция, которая требует специального рассмотрения.

В первые пятнадцать лет советской власти крупных специальных работ, касающихся проблем деятельности мест лишения свободы, в которых отбывали наказание осужденные к этому виду наказания, не было. Это можно объяснить как сложной общественно-политической обстановкой в стране, так и тем, что сам предмет исследования в полной мере еще не сложился. Поэтому вопросы пенитенциарной политики советского государства освещались, как правило, в трудах по теории права и уголовному праву. В них в основном повторялись и комментировались положения, содержащиеся в программных установках РСДРП – РКП(б).

В Программе РКП(б), в частности, говорилось: «В области наказания... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов».¹¹⁰ Поскольку большевистские лидеры полагали, что в «государстве трудящихся» сами трудящиеся не будут совершать преступлений и соответственно потребность в местах лишения свободы постепенно упадет, такой подход представляется вполне оправданным.

Вместе с тем условия революции вносили сюда определенную корректировку. Другое доктринальное положение большевизма заключалось в том, что для классовых врагов должны были определяться условия содержания в местах лишения свободы, отличные от тех, в которых должны были отбывать наказания лица «трудового происхождения». В числе авторов данного периода функционирования советского государства можно отметить А. А. Герцензона, А. Трайнина, Е. Тарновского, А. Я. Эстрина, В. Р. Якубсона, Б. Янчевского, Е. Пашуканиса¹¹¹.

Из наиболее крупных специальных работ последующего времени следует назвать труды Е. Г. Ширвиндта и Б. С. Утевского «Советское пенитенциарное право»¹¹² и Б. С. Утевского «Советская исправительно-трудовая политика»¹¹³. Здесь сделано определенное обобщение развития пенитенциарной системы в советском государстве за предшествующие годы. Однако данные работы носят явный идеологический отпечаток. Так, Б. С. Утевский, анализируя, в частности, Временную инструкцию «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» 1918 г., критиковал ее авторов за «отсутствие какого-либо классового дифференцированного подхода к лишенным свободы», а также за «смазывание элемента уголовной репрессии», поскольку указанным правовым документом предусматривалось вознаграждение

¹¹⁰ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962. С. 190–191.

¹¹¹ Тарновский Е. Судебная репрессия // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 45–46; Эстрин А. Я. 1) Развитие советской уголовной политики. М., 1933; 2) Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931; Трайнин А. Уголовное право. Общая часть. М., 1929; Кесслер М. Задачи и методы производственно-хозяйственной деятельности в местах заключения. Доклад на 1-м Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей. М., 1928; Якубсон В. Р. Уголовная репрессия в первые годы революции // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 27; Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928; Якубсон В. Р. Репрессия лишением свободы. Современная преступность. М., 1922; Янчевский Б. Преступление и кара в Советской России // Пролетарская революция и право. 1921. № 15; Хмельницкий А. И. Красное право и красный труд. М., 1920; Крыленко Н. В. Реформа Уголовного кодекса. М., 1929; Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М., 1924; Исаев М. М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. М.—Л., 1927; Солец А. Наша карательная политика (обследование московских тюрем) // Правда. 1923. № 187; Пионтковский А. А. Формы уголовного права периода пролетарской диктатуры // Основы и задачи советской уголовной политики. М., 1929; От тюрем к воспитательным учреждениям / Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1934 и др.

¹¹² Ширвиндт Е. Г., Утевский Б. С. Советское пенитенциарное право. М., 1927.

¹¹³ Утевский Б. С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934.

лишенных свободы по ставкам профессиональных союзов, в то время как, по мнению авторов, следовало проводить разницу между преступниками, относящимися к различным классам общества.

В дальнейшем (с середины 30-х и до середины 50-х гг., т. е. период ГУЛАГа) в исследовании пенитенциарных проблем наступил период застоя, когда в СССР практически перестали издаваться научные работы, касающиеся советских исправительно-трудовых учреждений. Основная причина этого явления заключалась в том, что система советских мест лишения свободы в тот период стала предельно закрытой от общества, что, в свою очередь, объяснялось использованием властью исправительно-трудовых лагерей для решения экономических и политических задач соответственно за счет эксплуатации дешевого труда заключенных и изоляции «политически ненадежных» лиц. Деятельность исправительно-трудовых учреждений затрагивалась в основном в учебных пособиях, учебниках, в отдельных монографиях и статьях, преимущественно по советскому уголовному праву, книгах, пропагандирующих советскую исправительно-трудовую политику¹¹⁴.

Что касается зарубежной литературы, то там попытки исследовать советскую пенитенциарную систему предпринимались, начиная с 1930-х гг. (ранее зарубежные авторы затрагивали эти вопросы, но в основном в рамках темы о репрессиях). Общая направленность зарубежных публикаций была одна – критика, и довольно жесткая, советской пенитенциарной политики. Естественно, в СССР об этих публикациях общественность не знала. Весьма красноречивы и названия некоторых работ – «Лагеря смерти в СССР», «Россия в концлагере» и др.¹¹⁵

После смерти Сталина и начавшегося процесса восстановления законности в стране стали происходить изменения и в пенитенциарной политике. В свою очередь и исследователи получили гораздо большие возможности для изучения истории и современного состояния советских исправительно-трудовых учреждений.¹¹⁶ В появившихся в это время работах освещались многие аспекты развития исправительной системы. Однако в большинстве трудов они не составляли предмета отдельного исследования.

Начали издаваться работы, где освещались различные стороны деятельности мест лишения свободы. Сразу следует заметить, что с тех пор объем литературы, посвященной пенитенциарной политике государства, в целом неизменно увеличивался, однако в основном за счет работ правоведов.

Так, уже в 1957 г. впервые за многие годы в Высшей школе МВД СССР была проведена научно-практическая конференция с приглашением достаточно широкого круга по тем време-

¹¹⁴ *Папуканис Е., Волков Г.* Итоги Беломорстроя. М., 1934; История советского уголовного права. М., 1948; *Кирзнер А. С.* Наказание как удовлетворение потерпевшего // Социалистическая законность. 1937. № 9; *Карева М. П.* Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951; *Маньковский Б. С.* Проблема ответственности в уголовном праве. М., 1949; *Пионтковский А. А.* Сталинская Конституция и проект Уголовного кодекса СССР. М., 1947; *Исаев М. М.* Назначение, применение и отмена наказания // Советская юстиция. 1938. № 17; *Голяков И. Т.* Некоторые вопросы науки и судебной практики в решениях Пленума Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 5; *Якубсон В. Р.* Вопросы индивидуализации наказания // Вопросы уголовного права. М., 1945; *Меньшиагин В. Н.* К вопросу об определении наказания по советскому уголовному праву // Ученые записки ВЮОН. Вып. 1. М., 1940; *Эстрин А. Я.* Развитие советской уголовной политики. М., 1933; *Утевский Б. С.* Система и виды наказаний в Уголовном кодексе // Проблемы социалистического права. М., 1938; *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. М., 1948; *Швец Н. Н.* О принудительных работах по месту службы // Социалистическая законность. 1939. № 5; *Якубович М. И.* О правовой природе института условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11 и др.

¹¹⁵ *Киселев-Громов Н. И.* Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936; *Солоневич И.* Россия в концлагере. Буэнос Айрес, 1936; *Семенов Н.* Советский суд и карательная политика. Мюнхен, 1952; *Tchernavin V.* I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. London, 1939; *Dallin D. and Nicolaevsky B.* Forsed Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947; *Jashy N.* Labor and Output in Soviet Camps // Journal of Political Economy. 1951. Oct. P. 405–519; *GULAG. The Documentary Map of Forsed Labour Camps in Soviet Russia.* New York, 1951 и др.

¹¹⁶ *Ременсон А. Л.* Вопросы лишения свободы и общее учение о наказании // Доклады конференции. Томск, 1959; *Ширвиндт Е. Г.* К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957; *Крахмальник Л. Г.* Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963; *Яковлев А. М.* Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. 1964. № 1; *Зубков А. И.* Трудовое перевоспитание заключенных в советских исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование. Томск, 1970 и др.

нам научных и практических работников, представителей общественности. На конференции были заслушаны и обсуждены доклады Б. С. Утевского и Н. А. Стручкова по основным проблемам исправительно-трудового права и законодательства об исполнении наказания¹¹⁷. Конференция послужила началом (после длительного перерыва) научно-исследовательской деятельности по проблемам исправительно-трудового права в ряде юридических вузов, научно-исследовательских институтов.

После проведения этой конференции начинается регулярная публикация соответствующих научных материалов в специальных журналах и отдельных изданиях. Достаточно сказать, что в период 1956–1961 гг. издается около пятидесяти работ, связанных с исправительно-трудовой системой.¹¹⁸

Вслед за упомянутой конференцией в течение 1958–1961 гг. были проведены теоретические конференции по проблемам деятельности исправительно-трудовых учреждений в Ленинграде, Томске, Свердловске, Саратове и ряде других городов.¹¹⁹ Однако на них не дискутировались концептуальные вопросы, практически не было специальных выступлений и печатных работ, касающихся тенденций развития пенитенциарной системы в нашей стране, ее истории.

Лишь несколько позже появились работы, затрагивающие пенитенциарные проблемы. Предметом исследований ряда ученых, таких, как, в частности, Н. А. Стручков, Н. А. Беляев, В. П. Артамонов, А. Е. Наташев, И. В. Шмаров, М. Д. Шаргородский, Л. Г. Крахмальник и других исследователей из различных городов страны.¹²⁰ В этих работах освещались многие аспекты развития исправительно-трудовой системы, в том числе затрагивались и исторические вопросы, однако в абсолютном большинстве работ они не были предметом специального исследования.

В середине 1970-х гг. в Рязанской высшей школе МВД России была издана книга З. А. Астемирова «История советского исправительно-трудового права»¹²¹. Содержащийся в ней исторический материал, в отличие от труда М. Н. Гернета, имел более узкую – правовую – направленность, есть и немало историко-информационного материала, заслуживающего внимания, в меньшей степени проявляется политико-идеологический фактор. Автор, в частности, отмечает, что в «рассматриваемый период (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) дея-

¹¹⁷ Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.). М.: ВШ МВД СССР, 1957; Научная конференция по советскому исправительно-трудовому праву // Советское государство и право. 1957. № 12; Конференция по вопросам советского исправительно-трудового права // Советская юстиция. 1957. № 8 и др.

¹¹⁸ *Любарский А. Ф.* Общественное мнение и его влияние на правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы и деятельность исправительных учреждений. Дис... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 81.

¹¹⁹ См.: Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права. Томск, 1959; Материалы научной конференции, посвященной проблемам исправительно-трудового права. Томск, 1961; Вопросы кодификации советского исправительно-трудового права. Материалы теоретической конференции. Саратов, 1961 и др.

¹²⁰ *Ной И. С.* Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965; *Ефимов М. А.* Некоторые вопросы кодификации советского исправительно-трудового законодательства в свете решений XXII съезда КПСС // XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Свердловск, 1962; *Ширвиндт Е. Г.* К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957; *Беляев Н. А.* Понятие советского исправительно-трудового права и основные принципы советской исправительно-трудовой политики // Вестник ЛГУ. 1958. № 5; *Карпец И. И.* Индивидуализация наказания. М., 1961; *Андреев В. В.* Усилить карательную сторону режима в тюрьмах // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961; *Беляев Н. А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. ЛГУ, 1963; *Наташев А. Е.* Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961; *Стручков Н. А.* Советское исправительно-трудовое право. М., 1961; *Лосев М. П.* Содержание заключенных в тюрьмах. М., 1957; *Калинин В. Н., Утевский Ю. Б., Яковлев А. М.* Советские исправительно-трудовые учреждения. М., 1960; *Шаргородский М. Д.* Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958; *Туманов Г. А.* Роль режима лишения свободы в достижении задач уголовного наказания // Усиление борьбы с преступностью в свете требований программы КПСС. М., 1964; *Крахмальник Л. Г.* Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963; *Лашко В.* О новом виде исправительно-трудовых учреждений // Советская юстиция. 1965. № 1; *Шмаров И. В., Мелентьев М. П.* Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971; *Зубков А. И.* Трудовое перевоспитание заключенных в советских исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование. Томск, 1970; *Верещагин В. А.* Формирование трудовой и социальной активности осужденных. М., 1984 и др.

¹²¹ *Астемиров З. А.* История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975.

тельность ИТУ протекала в обстановке широкого применения репрессий и сосредоточения значительного числа лиц в местах лишения свободы. Среди них было и определенное количество безвинно и несправедливо осужденных или подвергнутых репрессиям во внесудебном порядке. Вследствие этого в ряде ИТУ создавалась неблагоприятная психологическая атмосфера и отрицательная педагогическая среда, что мешало делу исправления и перевоспитания подлинных преступников». Далее он пишет, что ущемление законности, отклонение от ее «ленинских принципов», прежде всего, проявлялось в подмене действующего законодательства ведомственными актами НКВД; исправительно-трудовое дело теряло свою гласность. Нельзя не отметить, что для середины 70-х гг. это была довольно смелая оценка.

Известный пробел в исследованиях истории советской пенитенциарной политики был отчасти заполнен работами по истории милиции¹²², правоохранительной деятельности в целом¹²³, косвенно затрагивавшими интересующую нас проблематику.

Как исключение из правил можно расценивать художественное произведение А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и воспоминания Б. Дьякова «Повесть о пережитом», публикация которых в начале 1960-х гг. оказалась возможной в рамках хрущевской «оттепели» (сюда можно добавить менее известные художественные произведения Алдан-Семенова, Шелеста, Горбатова). В этих работах нет открытой критики советской пенитенциарной политики, однако отдельные эпизоды свидетельствовали именно об этом. Вместе с тем следует иметь в виду, что в данных произведениях сильно сказывалось субъективное восприятие авторами той пенитенциарной действительности, в которой они оказались. Следует еще раз подчеркнуть, что это были не научные труды, а художественные произведения.

Следующий этап развития пенитенциарной политики российского государства (после периода советского государства) связывается с либеральными изменениями в нашем обществе, начавшимися, как известно, с конца 1980-х гг. В исторической и пенитенциарной литературе появляются работы, где, помимо традиционных и в определенной мере периодически повторяемых, раскрываются вопросы, на которые ранее было наложено табу. Это касается, прежде всего, историко-пенитенциарной литературы, что объясняется возможностью пользоваться многими ранее закрытыми для ученых архивами и другими источниками. Именно на такого характера научной литературе мы и будем акцентировать внимание, освещая данный период, оставляя без комментария монографии и статьи, касающиеся функциональных (а не исторических) направлений в деятельности пенитенциарных учреждений, число которых, как отмечалось, неуклонно увеличивается.

Основное внимание, естественно, привлекла проблема борьбы режима с инакомыслием, тема репрессий, ГУЛАГа. В данном смысле интерес вызывают как обобщающие работы¹²⁴, характеризующие деятельность репрессивной машины, так и огромный массив литературы, посвященной отдельным социальным группам (особенно блок по раскулачиванию)¹²⁵, регионам и лагерям и т. д.¹²⁶ Очевидной новизной отличаются исследования, посвященные борьбе

¹²² История советской милиции. В 2 т. М., 1977; Советская милиция: История и современность. 1917–1985. М., 1987; Еропкин М. И. Развитие органов милиции в советском государстве. М., 1967; Киссис М. Т. Основные этапы советской милиции. М., 1965; и др.

¹²³ Кученко Н. М. Укрепление социалистической законности Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск, 1981.

¹²⁴ Данилов А. А. История инакомыслия в России. Советский период. Уфа, 1995; Стецовский Ю. История советских репрессий. Т. 1–2. М., 1997; Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; Рассказов Л. П. ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы Советского общества (1917–1941 гг.). Дис... докт. юрид. наук. СПб., 1994; и др.

¹²⁵ Базаров А. А. Кулак и агроулаг. Челябинск, 1991; Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1995 и др.

¹²⁶ Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей. Магадан, 1991; Кириллов В. М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала. 1920–1950-е годы. Ч. 1 и 2. Нижний Тагил, 1996; Мить А. А. Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря: 1942–1960 гг. Дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1998 и др.

заклученных с лагерным режимом¹²⁷. В целом исследователи различных отраслей знания рассматривают подобные частные темы в самых разнообразных аспектах и различных временных рамках¹²⁸.

В зависимости от ситуации, отдельные проблемы периодически приобретают особенно острое звучание и вызывают оживленные споры. В их числе можно выделить споры последних лет по статистике репрессированных¹²⁹.

В общем литературном массиве наибольшее значение, безусловно, имеют обобщающие труды, некоторым образом подводящие итог многолетним исследованиям по вопросам истории пенитенциарной политики, тюрем. В их числе следует назвать прежде всего исследования С. И. Кузьмина, М. Г. Деткова, Г. М. Ивановой¹³⁰ и др.

Большой пласт пенитенциарной литературы советского периода содержится также в публицистических работах, в которых имеются попытки анализа пенитенциарной действительности, в том числе в историческом контексте. Речь идет прежде всего о тех работах, которые, не являясь чисто научными исследованиями, все же содержат определенные элементы научности¹³¹. В большинстве из них дается критика советской исправительно-трудовой политики, причем зачастую с перефразом, основанном на чрезмерной эмоциональности авторов, нередко прошедших жернова советских исправительных учреждений, а также на действительных недостатках, присущих советским ИТУ. Тем не менее, с учетом указанных особенностей эти работы также представляют определенную научно-историческую ценность.

Что касается научной и публицистической литературы зарубежных авторов, издаваемой как в нашей стране, так и в других странах, и касающейся исторических аспектов деятельности тюремной (исправительно-трудовой, уголовно-исполнительной) системы России (СССР),

¹²⁷ Морозов Н. Сопrotивление в особых лагерях Коми АССР (1953–1955 гг.) // Карта. 1996. № 12; Сопrotивление в ГУЛАГе / Материалы международной конференции. М., 1992; Макарова А. Б. Норильское восстание // Воля. 1993. № 1; и др.

¹²⁸ Бикметов Р. С. Спецконтингент в уголовной промышленности Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг. Дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2000; Дугин А. Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7; Пайчадзе С. А. Издания БАМЛага ОГПУ — НКВД // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991; Исаков В. М. Правовое регулирование режима отбывания наказания в ИТЛ в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1956 гг.). Дис... канд. юрид. наук. М., 1997; Кузьмина О. С. Становление и развитие воспитательной системы исправительных учреждений советского государства: 20-е, 50-е, 70-е гг. Дис... канд. пед. наук. М., 1994; Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Из истории военных тюрем в России // Уголовное право. 1999. № 3; Широков А. И. История формирования и деятельности Дальстроя в 1931–1941 гг. Дис... канд. ист. наук. Магадан., 1997; и др.

¹²⁹ Дугин А. ГУЛАГ: кощунство арифметики // Криминальная хроника. 1991. № 7; Земсков В. Н. 1) Заключенные, спецпоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5; 2) ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6; 3) Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4; Цаплин В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х гг. // Вопросы истории. 1991. № 4–5 и др.

¹³⁰ Греков М. Л. Тюремные системы: История и современность. Краснодар, 1999; Кузьмин С. И. 1) Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. М., 1988; 2) Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1991; Детков М. Г. 1) Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992; 2) Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово, 1992; Иванова Г. М. 1) ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; 2) ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. СПб., 1998; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. 1923–1960. М., 1998; Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начало 60-х гг. (историко-юридическое исследование). Дис... докт. юрид. наук. М., 1998; Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибуллин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 1993; и др.

¹³¹ Дятлов А. Раб в законе. На кого работают 760 тысяч советских заключенных? // Комсомольская правда. 1990. 17 окт.; Инякин Ю. Товары из-за колючей проволоки // Известия. 1990. 25 окт.; Шаламов В. Т. Левый берег. М., 1991; Абрамкин В., Чеснокова В. Костер в белой ночи (как зеки себя калечили и как их калечила администрация) // Новое время. 1991. № 29; Фильштинский И. М. Мы шагаем под конвоем. Зарисовки лагерника. М., 1993; Дворжецкий В. Я. Пути больших этапов // Воля. 1993. № 1; Побожин И. Мертвая дорога // Новый мир. 1994. № 8; Паишков А., Дударец Г. Секретная стройка № 506 // Карта. 1995. № 7–8; Полубинский В. И. От царской каторги к советским лагерям // Преступление и наказание. 1995. № 5; Рогачев М. Усинская трагедия (январь 1942 года) // Карта. 1996. № 12; Романов С. Провести операцию с подъемом и воодушевлением // Карта. 1996. № 10–11; Березнева Е. Былое и думы тамбовского мужика // Труд. 1997. 10 июня.

то такие работы сначала представляли собой воспоминания бывших узников советских исправительно-трудовых лагерей, затем эти вопросы рассматривались в числе других в трудах зарубежных советологов и, наконец, в последние 10–12 лет, по мере раскрытия архивных материалов, стали появляться и специальные исторические труды¹³².

Следует сразу заметить, что зарубежные работы, по сравнению с трудами российских ученых последних лет, как правило, более поверхностны и нередко страдают достаточно упрощенными трактовками, слабыми аргументами в объяснении тех или иных явлений. Полагаем, что зарубежная литература представляла серьезную научную ценность в советский период, когда иностранные историки пенитенциарии находились в более выгодных условиях (над ними не довлел идеологический диктат, они имели свободный доступ к зарубежным архивным материалам). В последние же годы ситуация коренным образом изменилась. Российские научные труды по рассматриваемой проблематике, по нашему убеждению, основанному на соответствующем анализе, гораздо глубже и серьезнее как с методологической, так и содержательной позиций.

В целом, подводя итоги историографическому обзору, следует признать, что несмотря на достаточно большое количество пенитенциарной литературы, в том числе исторической направленности, на сегодняшний день отсутствуют работы, где анализируются тенденции развития российской государственной пенитенциарной политики за период, начинающийся становлением этой политики, и до настоящего времени, т. е. с охватом монархического государства и советской государственности. Автор настоящей работы делает попытку такого анализа.

Осуществление цели и задач, поставленных в ходе предпринятого исследования, потребовало обстоятельного анализа обширного круга как опубликованных материалов, так и архивных документов. Обращаясь к блоку открытых публикаций, следует выделить следующие основные группы источников: 1) директивные решения государственных и партийных органов в сфере пенитенциарной политики; 2) законодательные и подзаконные нормативные правовые акты; 3) материалы политических процессов, связанных с пенитенциарной сферой; 4) статистические и справочные издания; 5) воспоминания современников и участников пенитенциарной деятельности на различных этапах истории страны; 6) периодические издания соответствующих исторических эпох, где освещались пенитенциарные проблемы; 7) литературное творчество заключенных.

При исследовании государственной пенитенциарной политики монархической России источниковедческий интерес в рассматриваемой сфере представляют первые официальные материалы по результатам проверки высочайше утвержденной специальной комиссией тюремного хозяйства на части территории страны, изданные в 1865 г.¹³³, которые показали, в частности, чрезвычайную ветхость тюремных замков. В дальнейшем подобного рода комиссии также публиковали отчеты о своей деятельности¹³⁴. В советский период число источников данного блока заметно увеличилось при этом необходимо подчеркнуть, что вопросы стратегии пенитенциарной политики наряду с другими содержались в директивных решениях общего характера¹³⁵.

¹³² *Верт Н.* История советского государства. М., 1994; *Росси Ж.* Из истории советских лагерей // Карта / Независимый российский правозащитный журнал. 1996. № 10–11; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1997; *Карп Э.* История советской России. Т. 1, 2. М., 1990; *Немоляц М.* Открытость тюрем – важный элемент тюремной реформы // Тюремная реформа: поиски и достижения. Харьков, 1999; *Vivien Stern.* A sin against the future / Imprisonment in the world / Pehquin Book, 1998; *Coguest R.* Koluma. The Artik Peath Caps. Macmillan. L. 1978; *Dallin D. J.* The New Soviet Empire. New Haven. 1951 и др.

¹³³ Материалы по вопросу преобразования тюремной части в России. СПб., 1865.

¹³⁴ Материалы особой комиссии для рассмотрения проекта тюремной реформы и второй главы первого раздела Уложения (1877–1878 гг.). СПб., 1879; Материалы Особого присутствия Государственного совета при обсуждении проекта Уголовного уложения. СПб., 1910 и др.

¹³⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. Сб. документов: В 4 т. Т. I. 1917–1928. М., 1957; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. В 5 т. Т. I. 1917–

Обилие содержащихся в указанных источниках материалов, предполагающих анализ наиболее проблемных вопросов государственной пенитенциарной политики, не просто делает их незаменимыми, но и обуславливает ведущее значение для источниковой базы исследования в целом.

Отдельную группу опубликованных источников составляют законодательные и подзаконные акты, регулирующие пенитенциарную сферу и соответствующим образом закреплявшие пенитенциарную политику нашего государства. Следует заметить, что первое законодательное закрепление института наказания в виде лишения свободы (тюремного заключения) было осуществлено сравнительно поздно – в Судебнике 1550 г., а первое специальное и официальное издание пенитенциарных правовых актов состоялись лишь в XIX в. и связывается со Сводом законов Российской империи 1832 г., где в XIV томе был помещен Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею¹³⁶. В период империи законодательные акты публиковались прежде всего именно в Своде законов. В советский период соответствующие пенитенциарные законодательные акты наряду с другими публиковались в периодических изданиях – Собрании узаконений РСФСР, Собрании законов СССР, Ведомостях Верховного Совета СССР, Ведомостях Верховного Совета РСФСР, а также в газете «Известия»; в настоящее время они официально публикуются в Собрании законодательства Российской Федерации, «Парламентской газете», «Российской газете». По уголовно-правовой и исправительно-трудовой тематике печатались сборники соответствующих актов¹³⁷. Характерной чертой изданий, связанных с правовым регулированием пенитенциарной деятельности в нашей стране, является то, что помимо специальных тематических изданий законодательных актов, большое значение имели ведомственные сборники, содержащие различного рода положения, циркуляры, инструкции, детализировавшие процесс исполнения наказаний, связанных с лишением свободы¹³⁸.

Следует выделить и группу источников, отразивших процесс углубления гражданского противостояния в российском обществе в предреволюционный и особенно в послереволюционный период, что определенным образом корректировало государственную пенитенциарную политику. Публикация соответствующих документов, касающихся, в частности, периода репрессий в 1930–50-е гг., первоначально осуществлявшаяся для пропагандистского обеспечения репрессивных акций¹³⁹ либо по их горячим следам¹⁴⁰, продолжается и в настоящее время. При этом известная избирательность в подборе документов, имевшая место в 1920–80-е гг.,

1928 годы. М., 1967; В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975; Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сборник документов. М., 1958; МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии 1918–1921: Сб. документов. М., 1978; Красная книга ВЧК. Т. 1–2. 2-е изд. М., 1990; Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного Суда СССР, действующих на 1 апреля 1935 г. М., 1935; Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сборник документов. 1917–1936 гг. В 3 т. М., 1959; Декреты Советской власти. Т. 1–13. М., 1957–1989; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961; Пленум ЦК КПСС, июль 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1; Сборник материалов и документов по истории СССР советского периода. М., 1966; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М., 1989; Свидетельства истории. Публикация документов. Екатеринбург, 1994; Книга памяти / Сост. В. М. Кириллов. Екатеринбург, 1994 и др.

¹³⁶ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1832.

¹³⁷ См., например: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952. М.: Госюриздат, 1953; Собрание кодексов РСФСР. М., 1927; Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). История законодательства. М., 1959; Уголовно-исполнительное право. Сборник нормативных актов. М., 1997 и др.

¹³⁸ См., например: Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Сост. Т. М. Лопато. Пермь, 1903; Сборник циркуляров и распоряжений, изданных по Главному тюремному управлению (1879–1910). СПб., 1911; Рекомендации ГУИН МВД России к учреждению предприятий различных форм собственности с участием представителей исправительно-трудовой системы. М., 1992; Сборник актов, регулирующих политико-воспитательную работу с осужденными в ИТУ. М., 1982 и др.

¹³⁹ См., например: Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социал-революционеров. М., 1922; Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров. М., 1922 и др.

¹⁴⁰ Антоновщина. Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-кулацкого бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923; Кронштадтский мятеж. Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931 и др.

позволяет и ныне вводить в научный оборот все новые ценные материалы, характеризующие пенитенциарную и тесно связанную с ней уголовную политику государства¹⁴¹.

Значительное место среди источников заняла группа статистических и справочных материалов. Прежде всего, укажем на материалы общей статистики¹⁴². В отношении пенитенциарной статистики можно отметить, что ее становление шло очень сложно. Сначала издавались разрозненные материалы¹⁴³. Сведения о состоянии мест лишения свободы и содержащихся в них лицах стали публиковать лишь с 1874 г.¹⁴⁴ На наш взгляд, эти обстоятельства объясняют тот факт, что и в дальнейшем в трудах, приводящих систематизированные статистические данные, осталось немало слабых мест и противоречий. Так, например, исследователи по-разному определяют численность заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях в середине советского периода¹⁴⁵. В этой связи представляется перспективным продолжение подобных исследований. Однако, несмотря на определенные недостатки, обращение к статистическим и примыкающим к ним справочным изданиям, содержащим комплекс материалов, характеризующих различные стороны функционирования тюремной (исправительно-трудовой, уголовно-исполнительной) системы, является совершенно необходимым условием плодотворной разработки любых проблем истории ее развития.

Большую ценность для исследователей истории формирования и реализации в России пенитенциарной политики представляет мемуарная литература. Отчасти – это воспоминания работников пенитенциарной системы.¹⁴⁶ Однако в основном в данной группе источников представлены воспоминания бывших осужденных, проводивших определенное время в период отбывания наказания в местах лишения свободы (острогах, крепостях и тюрьмах в период монархии, исправительно-трудовых лагерях в советском государстве).¹⁴⁷ К данной группе источников применительно к дореволюционному периоду мы относим и известное произведение Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома»¹⁴⁸, которое хотя и обозначено как художественное, на самом деле представляет собой действительно «записки» бывшего каторжника, в которых воспроизведен быт и психология отбывающих наказание в каторжных острогах. Эти и другие воспоминания и мемуары не следует абсолютизировать по своему значению для исследования заявленной проблематики, однако в сопоставлении с официальными документами они позволяют более объективно оценивать содержание государственной пенитенциарной политики.

¹⁴¹ См., например: *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России. 1923–1953 (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2 и др.

¹⁴² Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделе Совета Министра внутренних дел. Т. 1–2. СПб., 1839–1841; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840; Статистический ежегодник России.../1904–1916/. СПб., 1905–1918 и др.

¹⁴³ См., например: *Алишин Е. Н.* Материалы для уголовной статистики России. Тобольск, 1866; *Галкин М. Н.* Материалы по изучению тюремного вопроса. СПб., 1868; Материалы о преобразовании тюремной части в России. СПб., 1865.

¹⁴⁴ *Мокринский С. П.* Наказание, его цели и предложения. М., 1902.

¹⁴⁵ *Дугин А. Н., Малыгин А. Я.* Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 67; *Шапиро Л.* История коммунистической партии Советского Союза. Лондон, 1990. С. 646; *Конквест Р.* Большой террор. Т. 2. Рига, 1992. С. 365; ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 19; *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11 и др.

¹⁴⁶ *Долгорукий И. М.* Записки. Соч. Т. 2. СПб., 1849; *Мецианинов И. В.* Из воспоминаний старого тюремного деятеля. СПб., 1908; *Чемоданов Г. Н.* Нерчинская каторга. Воспоминания бывшего начальника конвойной команды. М., 1930; и др.

¹⁴⁷ *Бришк Ф.* Записка // Русский архив. 1913. Вып. 2; *Вишский Г. С.* Мое время. Записки. СПб., 1914; *Якубович П. Ф. (Мельшиш).* В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907; *Марченко А.* Мои показания. Самиздат, 1968; *Фильштинский И. М.* 1) Мы шагаем под конвоем. Зарисовки лагерника. М., 1993; 2) Заполярная точка ГУЛАГа. Кольма. М., 1993; *Шаламов В. Т.* Левый берег. М., 1991; Неизвестная Россия XX в. Архивы. Письма. Мемуары. М., 1992; Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-х и начале 50-х гг. Томск, 1992; *Козлов А. Г.* Из истории колымских лагерей. Магадан, 1991; *Дворжецкий В.* Пути больших этапов. М., 1993; *Держач Н. Я.* По этапам и тюрьмам. М.—Л., 1930; *Сибиряков С. Г.* По пути в Сибирь. М., 1928; и др.

¹⁴⁸ *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома. М., 1984.

Особый блок источников составили архивные материалы. Автором изучен обширный массив документов – около 40 фондов, хранящихся в 14 центральных и региональных архивах Российской Федерации. В процессе научного поиска, связанного с анализом архивных материалов, основное внимание уделялось материалам делопроизводства государственных органов (прежде всего Главного тюремного управления, Главного управления лагерей и исправительно-трудовых колоний, Главного управления исправительно-трудовых учреждений), непосредственно реализующих пенитенциарную политику в нашей стране на различных этапах ее истории.

Основная часть документального архивного материала находится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). В первом автором изучены фонды Главного тюремного управления, Совета Министров СССР, ГУЛАГа НКВД СССР, Главного управления местами заключения НКВД РСФСР (ГУМЗ), Департамента полиции МВД, Канцелярии Нерчинской каторги и др.¹⁴⁹ В РГИА привлекались материалы фондов Департамента полиции исполнительной, Департамента законов Государственного Совета, Министерства юстиции и др.

По своему значению к данным фондам примыкают материалы фонда конвойных войск НКВД из Российского военного государственного архива (РВГА). Важные сведения извлечены автором из фонда ЦК КПСС в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Для анализа пенитенциарной политики XVIII – первой половины XIX столетия автором использовались документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Здесь внимание привлекли как документы центральных государственных органов (Сенат и др.), так и местных приказов и канцелярий (ф. 214, ф. 413).

В процессе исследования пенитенциарной политики Российского государства представлялось важным сопоставить решения центральных органов управления и их реализацию на местах. В этой связи были изучены региональные архивы в Рязанской области, Республике Коми, Краснодарском крае, Свердловской области, а также Туркменистане. В частности, немалый интерес представляют материалы фонда «Кубанская областная тюремная инспекция (1908–1920 гг.)» Государственного архива Краснодарского края, Коми областного комитета КПСС, исполкома Рязанского облсовета и др.

Особое значение для разработки избранной проблемы имели ведомственные архивы МВД. Среди них следует, прежде всего, выделить специальный архивный фонд Информационного центра ГУВД Краснодарского края, содержащий ценные сведения, характеризующие развитие тюремной системы в предвоенные и послевоенные годы. В данном отношении известный интерес представляют также материалы архива ГУИД МВД Туркменистана. Крайне любопытными представляются материалы, извлеченные из архива Ухтопечорского ИТЛ.

Подвергнутые анализу, архивные материалы составили фактологическую основу данной работы. В их массиве автор стремился использовать различные материалы делопроизводства – положения, определяющие непосредственную реализацию пенитенциарной политики, протоколы коллегий, приказы, инструкции и т. д. Немаловажное значение имеет переписка учреждений и их руководителей, которая отражает характер складывающихся пенитенциарных учреждений. Богатый систематизированный материал дают отчеты, докладные и служебные записки, воссоздающие как общую картину государственного регулирования местами лишения свободы, так и притязания отдельных уголовно-исполнительных структур.

Отдельный блок источников составляют неопубликованные воспоминания лиц, которые отбывали наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовых учреждениях после-

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 122 (Главное тюремное управление); Ф. 123 (Общество попечительское о тюрьмах); Ф. 29 (Управление Нерчинской каторги); Ф. 109 (Третье отделение ЕИВК); Ф. 102 (Департамент полиции); Ф. 9414 (ГУЛАГ НКВД СССР) и др.

военного времени, имеющиеся в распоряжении автора в виде рукописей отбывавших наказание, а также в виде записей авторских интервью с ними. В их числе можно назвать известного писателя Туркменистана Ш. Ш. Бердыева, который в начале 50-х гг. отбывал наказание в Магаданлаге, сотрудника режимной части Е. В. Михайловой, работавшей в одном из лагерей Рязанской области, и др. Анализ такого рода источников дает основание говорить о неоднозначных оценках условий содержания заключенных в советских лагерях послевоенного периода. Как представляется, необходимо весьма осторожно принимать субъективные оценки в качестве обобщающих критериев, что и старался делать автор в настоящей работе.

Достаточно обширный фактологический материал автор исследования почерпнул в периодических изданиях, где освещались проблемы пенитенциарии. Как до революции, так и в советский и современный периоды выходили и выходят общеправовые издания и специальные пенитенциарные журналы и газеты. В монархической России издавались, в частности, «Тюремный вестник» (1893–1916 гг.), «Юридический вестник» (1879–1905 гг.), «Сибирская новь» (1882–1906 гг., г. Иркутск) и др. В начальный период советского государства вышло немало изданий, где публиковались воспоминания бывших политкаторжан, среди которых «Каторга и ссылка» (1921–1935 гг.), «Тюрьма, каторга и ссылка» (1922–1924 гг.), «Суд идет!» (1921–1932 гг.) и др.

Многотиражные газеты издавались на крупных стройках с участием заключенных (например, на строительстве Байкало-Амурской магистрали выходила газета «Бамлаг»). В дальнейшем стали выходить многотиражные газеты для осужденных при региональных Управлениях исправительно-трудовых лагерей (исправительно-трудовых колоний). Их стали выпускать с конца 1950-х гг. Затем издание прекратилось в 1970 г. (за некоторым исключением, например, не была закрыта газета на Украине), что можно объяснить, очевидно, особенностью общественно-политического положения в СССР, когда партийный диктат достиг своего апогея, и обсуждать в прессе, собственно, ничего не нужно было – требовалось неукоснительное соблюдение исходящих сверху директив. Параллельно выходили разного рода бюллетени при региональных управлениях ИТУ, где освещалась деятельность ИТУ. С 1980 г. издание многотиражных газет было возобновлено по соображениям усиления политико-воспитательной работы с осужденными; с тех пор они продолжают выпускаться. Что касается журналов, то с начала 1960-х гг. стало выходить издание «Исправительно-трудовые учреждения», которое носило, однако, закрытый характер (гриф ДСП – «для служебного пользования»). С 1960 г. в СССР, а затем в России издается открытый пенитенциарный журнал «Преступление и наказание» (сначала он имел название «К новой жизни», затем, с середины 1980-х гг. – «Воспитание и правопорядок», и, наконец, с начала 1990-х – «Преступление и наказание»). Все эти издания носили официальный характер и, естественно, в них не содержалась критика принципиальных положений пенитенциарной политики государства. Вместе с тем по отдельным вопросам в журналах шла оживленная дискуссия, в частности, по вопросу о том, какой должна быть отрядная система внутри исправительно-трудовой колонии. Содержащийся в этих изданиях материал также был использован автором настоящего исследования.

Определенную ценность для понимания сущности пенитенциарной политики Российского государства на различных этапах его развития представляет литературное творчество лишенных свободы. Содержание стихов и песен, которые были популярны у арестантов, может свидетельствовать о тех или иных приоритетах пенитенциарной политики государства. Так, в XIX в. песни каторжан отражали нелегкий быт в острогах. Вместе с тем через все эпохи проходит мысль о стремлении к свободе, раскаянии за содеянное. Этот, как и предшествующий, источник, еще не нашел своего места в такого рода исследованиях и практически до настоящего времени не применялся.

Кроме того, при выявлении тенденций развития пенитенциарной политики и формулировании соответствующих выводов автор использовал собственный опыт работы в уго-

ловно-исполнительной системе СССР и России (в республиках Коми АССР и Туркменистане), что позволило с большей степенью объективности сопоставлять и оценивать исследовательские работы, а также материалы теоретического характера, содержание нормативных правовых актов, практику деятельности мест лишения свободы в нашей стране.

Использование указанных выше источников составило основу проведенного исследования, помогло автору в решении основных задач, поставленных перед исследованием.

Подводя итог анализу историографической и источниковой базы исследования, необходимо отметить, что обращение к теме, отдельные стороны которой лишь в последнее десятилетие стали предметом более или менее объективного исследования, поставило перед автором ряд проблем методологического порядка. Общий кризис исторической науки в рамках постсоветского пространства, связанный с поиском новых парадигм взамен подвергнутой критике советско-марксистской методологии, неизбежно поставил вопрос для каждого исследователя исторических проблем перед необходимостью определения своей позиции. В этом смысле многочисленные конференции, полемика в исторической периодике показывают возросший интерес к проблемам методологии научных исследований. Одновременно они демонстрируют большой разброс мнений, многообразие предлагаемых концепций, как правило, представляющих собой различные варианты заимствований из арсенала западноевропейской науки. В результате ситуация выглядит в значительной степени запутанной. Недостаточно проясняют ее и представители академических кругов, среди которых до сих пор не теряет актуальности дискуссия о том, был ли «кризис отечественной историографии в главном и основном порожден кризисом марксизма», либо же последний еще сохраняет свою научную и общественную ценность¹⁵⁰.

В обстановке методологической неопределенности, как нам представляется, заметны два основных вектора развития научных поисков. Прежде всего, значительная часть исследователей склонны более активно обращаться к достижениям смежных отраслей знаний. Автор также полагает, что именно это направление может быть более продуктивно в исследовании исторических проблем развития в России пенитенциарной политики, для чего необходимо обращение к вопросам юриспруденции, теории управления, административной деятельности и др. Параллельно идет также усвоение, а отчасти и переработка концепций, предложенных зарубежными историками. Конечно, в такой ситуации вряд ли вполне можно избежать опасности некоторых некритических заимствований, а также возникновения неизбежных элементов эклектизма при соединении разнородных идей и положений. И все-таки, как представляется, эти недостатки можно расценивать как естественные издержки той болезни роста, которую переживает российская историческая наука. Во всяком случае, мы полагаем такой подход более приемлемым, чем активно предпринимаемые рядом ученых поиски очередной «единственно правильной» теории, призванной радикально преодолеть существующий кризис и разрешить чуть ли не все противоречия современного этапа развития исторической науки. Как правило, в подобных случаях приходится сталкиваться с еще более некритичным привлечением концепций. Характерно, что последний вариант в основном реализуется в достаточно отвлеченных теоретических построениях, мало связанных с прикладными исследованиями.

С учетом изложенного исследование вопросов становления и развития в России государственной пенитенциарной политики целесообразно начать с разработки понятийного аппарата с тем, чтобы использовать единый подход при анализе деятельности мест лишения свободы на различных этапах исторического развития. Это представляется важным еще и потому, что

¹⁵⁰ См., например, затянувшийся спор о характере стоящих перед современной наукой методологических проблем, начатый еще академиком И. Д. Ковальченко и продолжающийся до настоящего времени: *Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и Новейшая история*. 1995. № 1; *Искендеров А. А.* 1) Историческая наука на пороге XXI века // *Вопросы истории*. 1996. № 4; 2) Что скрывается за «новыми» парадигмами истории? // Там же. 1998. № 4 и др.

содержание категорий, характеризующих пенитенциарную сферу, учеными различных поколений понималось не всегда одинаково. Следует заметить, что определение понятийного аппарата составляет одну из методологических основ настоящего исследования. При этом среди главных категорий, актуальных для данной работы, центральное место отводится понятию свободы, в связи с чем именно этой категории будет уделено наибольшее внимание.

Идея свободы как социальной ценности ярко заявила о себе в эпоху Возрождения, когда человечество начало освобождаться от религиозных оков. Локк, Гоббс, Спиноза, Руссо, Кант, Гегель, Маркс, Энгельс и другие известные мыслители, выражая и предвосхищая тенденции общественного развития, неизменно придавали свободе значение своеобразной путеводной звезды. Так, Гегель отмечал, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы»¹⁵¹. По словам Энгельса, свобода «является необходимым продуктом исторического развития». И далее он писал: «Каждый шаг на пути культуры (в понимании исторического развития человечества. – *И. У.*) был шагом к свободе»¹⁵². Кульминацией общественных настроений той эпохи можно считать буржуазные революции и, прежде всего Французскую революцию 1789 г. В ст. 4 Декларации прав человека и гражданина свобода значится в числе естественных и неотъемлемых прав человека. Придание свободе повышенного социального значения во многом можно объяснить тем, что в оси взаимоотношения МИР – ЧЕЛОВЕК акцент стал смещаться в сторону человека, который все больше осознавал себя как личность¹⁵³. А личность, как верно подмечает А. И. Козулин, «не может существовать без свободы»¹⁵⁴.

Таким образом, в наше время свобода личности является высшим социальным благом¹⁵⁵, что зафиксировано в конституциях большинства стран, а также во многих международных актах¹⁵⁶. Причем свобода как фундаментальная человеческая ценность провозглашается независимо от политического строя. Вместе с тем справедливо отмечается, что свобода представляет собой сложное социальное явление¹⁵⁷. Так, если взять его в развитии, то, по мнению Э. Фромма, в XX в. мы переживаем эпоху, когда полученная человеком свобода, достигнув «критической точки», становится для него источником тревоги, страха, он чувствует себя одиноко, изолированно. От такой свободы он стремится уйти, предпочитая большую зависимость (от социального происхождения, от государства, от работодателя и т. д.) взамен на большую стабильность своего существования, спокойствие и безопасность.¹⁵⁸ Думается, однако, что данное явление вряд ли можно считать закономерным, во всяком случае пока оно не находит своего подтверждения в нормах права, хотя при этом нельзя не признать методологически верного подхода к качественным изменениям в понимании свободы.

Сложность свободы как социального явления и социального блага наглядно видна в ее философском осмыслении. Встречаются следующие наиболее характерные определения свободы: «свобода состоит именно в том, чтобы... быть в зависимости от самого себя, определять самого себя»¹⁵⁹; «свобода – это основанная на познании необходимости способность выбора и деятельность с учетом этой необходимости»¹⁶⁰; «свободу можно рассматривать как такое

¹⁵¹ Гегель. Соч. Т. XVIII. М.—Л., 1935. С. 19.

¹⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

¹⁵³ Введение в философию. М., 1989. С. 315.

¹⁵⁴ Козулин А. И. Об источниках прав человека // Государство и право. 1994. № 2. С. 146.

¹⁵⁵ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 6.

¹⁵⁶ См.: Всеобщая декларация прав человека (1948), Пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Пакт о гражданских и политических правах (1966) и др.

¹⁵⁷ Воеводин Л. Д., Краснов М. А. О формах конституционного закрепления свободы личности в СССР // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 3.

¹⁵⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 1992. С. 194.

¹⁵⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 124.

¹⁶⁰ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 286.

социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение и которое совмещается с подобными пространствами других субъектов»¹⁶¹; «свобода состоит именно в том, что мы можем действовать или не действовать согласно нашему желанию или выбору»¹⁶²; «свобода – это возможность для человека по своему усмотрению удовлетворять свои материальные и духовные потребности, избирать место жительства и вид труда, общаться с другими людьми, устраивать семейную жизнь, быт и т. д.»¹⁶³; «свобода есть познанная необходимость (закономерность), усвоенная человеком как закон его деятельности»¹⁶⁴.

Другие определения принципиально не отличаются от указанных. Следует также отметить, что в философских исследованиях свобода рассматривается во взаимодействии с такими категориями, как необходимость, ответственность, воля, возможность, равенство. В меньшей степени свобода изучена как ценность, благо, защищаемое законом; нас будут интересовать философские положения о свободе, прежде всего именно в этих аспектах, которые так или иначе отражены в праве как наиболее устойчивой форме закрепления преобладающих взглядов в обществе.

Юридическая ответственность, связанная с лишением свободы, как известно, наступает в результате осознаваемых действий, т. е. исходящих из убеждений, взглядов, интересов, потребностей человека. Поэтому основное внимание сосредоточим на внутренней, субъективной стороне свободы, тем более что многие десятилетия в отечественной литературе наблюдался перекос в сторону объективных факторов и из всего многообразия понятий свободы, как замечает В. Н. Кудрявцев, чаще использовали то, которое определяло ее как осознанную необходимость.¹⁶⁵

Данная формула (свобода как осознанная необходимость), как представляется, несколько упрощенно отражает понятие свободы. Некоторые авторы вообще считают, что «свобода не определяется какой-либо необходимостью»¹⁶⁶. Если отойти от крайностей, то получается следующее. Как известно, чем больше человек познает, осознает законы природы, тем больше у него возникает возможностей для свободоизъявления. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что свободы у людей тем больше, чем в большей мере их интересы совпадают с объективными тенденциями общественного процесса, со стремлением больших масс людей, общественных классов и социальных слоев.¹⁶⁷ При таком подходе получается, что человек, игнорирующий и даже презирающий общепринятые ценности и сознательно совершающий общественно опасное деяние, поступает несвободно. Между тем для преступника осознание необходимости соблюдать установленные в обществе законы отнюдь не является непреодолимым препятствием, для него важнее и весомее другая необходимость – совершение преступного деяния; он поступает свободно, выбирая вариант поведения сообразно своим убеждениям и потребностям. Разумеется, за «свободно» совершенное преступление он понесет ответственность, но это уже другой вопрос.

Свобода как философская категория представляет собой очень сложное и многоаспектное понятие¹⁶⁸. Мы ограничились кратким рассмотрением тех сторон, которые, на наш взгляд,

¹⁶¹ Зотов А. Ф. Право, свобода, демократия. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 30.

¹⁶² Локк Дж. Избр. филос. произв. В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 259. Сходные определения дают также Ш. Монтескье, К. А. Новиков, Дж. Кэмпбелл и др.

¹⁶³ Ефимов М. А. Проблемы лишения свободы как вида наказания в законодательной, судебной и исправительно-трудовой практике. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1966. С. 5.

¹⁶⁴ Косолапов Р. Г., Марков В. С. Свобода и ответственность. М., 1969. С. 13.

¹⁶⁵ Кудрявцев В. Н. Правовые грани свободы // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 3.

¹⁶⁶ Кудрявцев В. Начальные основания философии. Вып. 2. М., 1889. С. 149.

¹⁶⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 570.

¹⁶⁸ Шлайфер Н. Ф. Свобода личности и исторический детерминизм. М., 1983. С. 6. Понятие «лишение свободы» не точно

имеют наибольшее значение в ее характеристике как блага, как неотъемлемой человеческой ценности. Имея в виду это и с учетом рассматриваемых в нашей работе проблем, свободу с философской точки зрения можно определить как действия человека как личности, совершаемые по его осознанному выбору, на основе сформировавшихся убеждений, интересов и потребностей, без угрожающего жизни, здоровью и иным равнозначным для человека ценностям принуждения, и приносящие своими результатами определенное удовлетворение. Особо подчеркнем, что речь может идти о любых убеждениях, целях и потребностях, независимо от преобладающих в обществе ценностей и идеалов.

Именно свобода как благо и представляется объектом уголовного наказания в виде лишения свободы. Лишая свободы человека в порядке уголовного наказания, государство помещает его в специально предназначенное для этого учреждение и ограничивает его действия, причем в разных сферах жизнедеятельности в различной мере. При этом имеется в виду, что под воздействием такого правового, законного принуждения преступник будет испытывать страдания, дискомфорт, а это, в свою очередь, должно способствовать достижению стоящих перед уголовным наказанием целей.

Может возникнуть вопрос: в исправительных учреждениях осужденный не испытывает со стороны государства угрозы жизни и здоровью, – не означает ли это, что он, с учетом наших предыдущих рассуждений о грани свободы – несвободы, остается, собственно говоря, свободным? Здесь, как представляется, необходимо различать понятия свободы как таковой, фактической, и свободы правовой. В первом случае осужденный, содержащийся в колонии полуоткрытого типа (которых большинство в системе учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации) и даже в тюремной камере, обладает определенной свободой; он может, например, по собственному усмотрению выбирать книги для чтения, в личное время согласно внутреннему распорядку по своему выбору читать, смотреть телевизор, заниматься спортом или творчеством. Здесь несвобода, связанная с государственным принуждением, не перекрывает полностью ту фактическую свободу, которая понимается в данном выше определении. Хотя в принципе, возможно, что правовое принуждение перекрывает свободу полностью – в случае, когда, например, в порядке взыскания за неповиновение законным требованиям администрации учреждения осужденный водворяется в штрафной изолятор или в отношении него используются специальные средства (например, наручники) или боевые приемы борьбы. При этом осужденный не обладает возможностью осуществлять свой выбор по реализации присущих человеческой личности потребностей; в такой практически буквальной несвободе трудно говорить даже о полной свободе мысли, – сама способность мыслить, конечно, сохраняется, но направленность мышления задается не на «свободную тему», а в прямой связи с обстоятельствами, и тем более стрессовыми, в которых оказался человек¹⁶⁹.

Свобода правовая, т. е. прежде всего формальная, обозначена в текстовых законодательных документах, и здесь необходимо отталкиваться от содержания норм права. Если взять, к примеру, не подвергающегося никакому государственному принуждению гражданина, то его с номинально-правовой точки зрения можно считать свободным; хотя, как известно, не может быть полной фактически правовой свободы, поскольку в отношении любого гражданина действуют те или иные ограничительные нормы права. Подвергнувшийся же уголовному наказанию гражданин считается несвободным, так как объем ограничений в отношении него резко возрастает, они гораздо более ощутимые, приносят страдания (в то время как общеграничительные нормы для свободных граждан страданий не порождают) и в целом охватываются

отражает содержание данного вида наказания, поскольку, как будет показано в дальнейшем, лишить (т. е. взять, отобрать) полностью свободы невозможно (И. У.).

¹⁶⁹ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 235.

понятием «лишение свободы». На наш взгляд, именно по этому рубежу – началу исполнения наказания в виде лишения свободы (что касается других видов наказания, то хотя они также имеют определенную принудительную правоограничительность, но все же на свободу посягают в несравненно меньшей степени) и следует определять свободу-несвободу человека. До этого рубежа человек остается свободным. И, соответственно, несвободным, опять же в общеправовом смысле, следует считать находящегося по приговору суда в исправительном учреждении (при задержании и аресте в уголовно-процессуальном и административном порядке также имеет место правовая несвобода, но эти формы кратковременного лишения свободы выходят за рамки нашего исследования).

Свободу в правовом смысле, таким образом, можно определить как действия вменяемого лица, совершаемые им по своей воле и не выходящие за рамки дозволенного и разрешенного нормами права, т. е. в их основе лежит не что иное, как законопослушное поведение. Теперь мы имеем возможность сформулировать понятие свободы, основанное на приведенных выше философских положениях. Итак, под свободой следует понимать действие, поведение человека, совершаемые по его собственным убеждениям, интересам, потребностям без принуждения, угрожающего жизни, здоровью и другим равнозначным ценностям человека, в соответствии с действующими нормами права и приносящие своими результатами определенное удовлетворение.

Затронем еще один аспект, связанный с общим понятием о свободе как социальной ценности. Свобода, как отмечалось, представляет собой сложное явление, включающее многие составляющие (отдельные свободы), или, как их называет Ф. Р. Сундуров, «элементы свободы». Осужденные, содержащиеся в исправительных учреждениях, лишаются некоторых из этих «элементов свободы», другие сохраняются в полном объеме; большинство же составляющих свободы в той или иной мере ограничивается. При раскрытии содержательной стороны лишения свободы обычно подчеркивается ограничение осужденных в первую очередь в свободе передвижения¹⁷⁰. Выделяются также ограничения в свободе распоряжения собой; свободе общения; выборе рода трудовой деятельности; свободе действий; в праве на отдых, образование; в политических правах и свободах; в личной свободе; в свободе развлечений (работы Ф. Р. Сундура, И. С. Ноя, М. П. Мелентьева, Ю. А. Антоняна, В. А. Елеонского, Л. А. Высоцкой и др.). Иными словами, теряется право на самоопределение.

Обратим внимание на то, что указанное содержательное наполнение свободы в контексте ее правового ограничения оказалось уже, чем законодательное, зафиксированное в нормах конституционного права. Так, в научных трудах практически не затрагиваются вопросы о свободе мысли и слова в местах лишения свободы, лишь сравнительно недавно стала исследоваться свобода совести осужденных. Вместе с тем нельзя согласиться с С. Ф. Милюковым, утверждающим, что «поражают свободу, так или иначе, все без исключения наказания (даже штраф, лишая осужденного возможности приобретать те или иные товары, пользоваться теми или иными услугами, ограничивает его в возможности поступать по своей воле)»¹⁷¹. При таком подходе любого гражданина можно считать несвободным, поскольку каждый имеет те или иные обязанности, выполнять которые далеко не всегда приходится по желаемому выбору.

С учетом изложенного представляется целесообразным выделить следующие предусмотренные Конституцией РФ составляющие свободы, которые наиболее важны для человека и ограничение которых составляет основу содержательной части уголовного наказания в виде лишения свободы: свобода передвижения, свобода выбора рода деятельности, личная свобода, политические свободы.

¹⁷⁰ Деметьев С. И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов н/Д, 1986. С. 19.

¹⁷¹ Цит по: Стручков Н. А. Проблемы совершенствования деятельности органов, исполняющих наказания // Материалы конференции. Уфа, 1993. С. 47.

Указанные свободы как составляющие обобщенного понятия свободы определенным образом ограничиваются в случае применения к человеку уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако если в настоящее время эти и другие ограничения находят закрепление в соответствующих уголовно-правовых и уголовно-исполнительных актах, то в прошлом (практически весь период монархической России) они вытекали из самого факта помещения осужденного в место лишения свободы, что в принципе не изменяло сущности лишения свободы как вида наказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.